

— КАРИНА ДЕМИНА —

ХОЗЯИН ТЕНЕЙ

ГРОМОВ

9-1

Громов

Карина Демина

Громов: Хозяин теней – 9. Часть 1

«автор»

2026

Демина К.

Громов: Хозяин теней – 9. Часть 1 / К. Демина — «автор»,
2026 — (Громов)

Мертвецы продолжают воскресать, и Савелию Громову придётся разбираться не только с врагами, но и с отцом, который вдруг вознамерился вернуться в число живых. Ещё и права на род предъявить пытается. А ещё тайное общество Философов с их желанием перекроить мир по собственному разумению, грядущая выставка, тень, ангелы и заговор против государя.

© Демина К., 2026

© автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карина Демина

Громов: Хозяин теней – 9. Часть 1

Глава 1

*Именно разум отличает человека от животных. Он подобен яркой искре Божьей, которая призвана развеять вековой мрак заблуждений, сделать мир понятным и простым, подвластным каждому человеку...
Из приветственной речи ректора Императорской Академии*

Здесь, на холме, который и холмом-то нельзя назвать, так, кочка, просто крупная, реальность была слегка более реальной, что ли? Сложно объяснить. Точно в бумажных декорациях окрестного мира появилась толика настоящести?

Присутствия?

Главное, что стоило пересечь незримую черту, и колонны обрели объем, и чаша, и даже вода сделалась водой, ну, дымок над ней растекался, но уже без завитков.

Папенька, что характерно, никуда не исчез.

Стоит. Ногу выставил, руки на груди скрестил. Поза идиотская в полной своей театральности. А главное на меня глазищами зыркает, недовольно кривится. Серьёзно считал, что я от счастья запрыгаю и на грудь брошусь? Тоже мне...

А не такой он и высокий.

И в целом-то пожиже Тимохи будет, чисто внешне. Душевные качества я даже не буду сравнивать.

– Как же тебя не доби́ли-то? – я не стал слишком уж приближаться, встал так, чтобы между мной и ним был фонтан. Настоящий он или нет, а всё препятствие.

Кто их, шизанутых гениев, знает.

– И пороли тебя редко, – добавил он. – Отсутствие крепкой руки всегда дурно сказывается на характере детей.

– Ну да... если так, то и тебя нечасто. Или чего другого не хватило?

Тьма внутри слушала.

Вбирала слова и... силу.

Точно. Теперь и я ощутил слабый её приток. Той другой, кремешной, знакомой уже. Как свежий воздух в запертом наглухо душном подвале. А главное, ты сам не понимал, что сидишь в подвале и задыхаешься, пока не глотнёшь ветерка.

– Прекрати дерзить и подойди.

Причём сказано это было тоном, не допускающим отказа. Но я остался на месте.

– Воздержусь.

– Савелий!

И голос повысил. Брови сдвинул. Нет, он реально думает, что на меня это подействует? На того, другого Савелия, возможно. Он отца побаивался. И вообще вырос с мыслью, что папенька лучше знает, как правильно жить.

Но я – дело другое. Я не шелохнулся.

Стою. Разглядываю.

И он в ответ буравит взглядом.

– Что ж, – кажется, папенька сообразил, что эта игра в гляделки может продолжаться довольно долго. А что, силу я тяну, дышать худо-бедно, но могу. – Пускай. Ты нагл, дерзок,

но это в чём-то хорошо. Всяко лучше того ноющего ничтожества, которым ты был раньше. И я рад, что ты жив.

– А я не очень.

Папенька скривился, явно с трудом сдерживаясь. Но всё-таки сдерживаясь. А при его характере это само по себе говорит о многом.

– Кстати, я не уверен, что ты жив. Или всё-таки?

– Это... сложный вопрос, – он выдавил из себя эти слова, и пусть прозвучали они спокойно, но губа дёрнулась, и взгляд метнулся в сторону. – И зависит от того, что считать основой существования. Физическое тело или разум...

– То есть, тела не осталось?

Это радует.

С телом было бы сложнее. А так, нет тела, как говорится, нет и дела. И влияния на реальность. Хотя его папенька, как вижу, сохранил.

– Осталось. И вполне функционирует, – произнёс он сухо.

Жаль. Но видно, что тема ему неприятна.

И вообще отвык он, чтобы с ним разговаривали в подобной манере. Ладно, надо всё-таки тональность и вправду сменить. Не из любви и сыновьего уважения, само собой. А чтобы прояснить некоторые моменты.

Этакого свидетеля, живой он там или не очень, упускать нельзя!

– Дед умер, – сказал я примиряюще. – И Варфоломей...

– Давно нарывался.

То есть, скорбеть он не собирается. Интересно. И я ему интересен. Точнее даже не так. Обманываться не стоит, ему на меня как личность глубоко плевать, но в то же время что-то нужно и настолько, что устроил эту вот круговерть.

– Про остальных не спросишь?

– Я и так знаю. Тимофей по-прежнему истинный Громов. Силен, но не слишком умён. Был вовсе слабоумен, но выбрался. К сожалению, он не обладает достаточной гибкостью разума, чтобы пересечь границу.

Это он о чём?

Или... или то исчезновение? Фабрика? И болезнь Тимохи? С ним папенька пытался вернуть что-то подобное?

Могло?

– А потому совершенно бесполезен в нынешних обстоятельствах, – продолжил он. – Но Татьяна разочаровывает, пожалуй, ещё сильнее.

Ничего себе заявочки.

Я даже как-то и растерялся. Нет, я знал, что папаня с прибабахом, но, кажется, не слишком верно оценил размер его.

– Забыть о достоинстве, гордости... превратиться в это вот... впрочем, чего ещё ждать от женщины.

У меня рот открылся.

И закрылся.

А то ведь наговорю же. И кулаки зачесались.

– Ты ушёл чуть дальше, пусть изначально и казался совершенно бесперспективным. Честно говоря, я даже удивлён, что дар в тебе всё-таки пробудился. Но это значит, что мои усилия не прошли даром.

И главное, он это говорит абсолютно серьёзно, с полной верой.

Замолк. И смотрит. Ждёт? Чего? Что я растаю от такой похвалы? Не растаю. Так себе похвала. Как конфета с дерьмом вместо начинки.

– Тимоха из-за тебя заболел? То письмо, которое он сжёг, было не от друга, а от тебя, так? Ты позвал его на встречу. Сюда вот... – я руки развёл. – И ему что? Тоже вкололи какую-то дрянь? Или как это было?

Спрашивать, почему смысла нет.

По той же причине, по которой он притащил сюда меня. Ему понадобилась помощь. Но папенька в жизни в том не признается. Или промолчит, или соврёт.

Поэтому сформулируем иначе.

– Бояться нечего, – сказал он. – В тот раз я не обладал достаточным опытом, да и сам метод пересечения границы был сыроват. Не говоря уже о том, что его разум в силу возраста и примитивности противился новому, тогда как ты не успел заостенеть.

Папенька явно истолковал мой интерес по-своему. Но ответ я получил.

Он.

Он позвал Тимофея, то ли на фабрику, то ли ещё куда. Он подбил на какой-то эксперимент, а его этот Евгений или кто-то иной – помог. Только всё пошло не по плану.

Почему?

Метод, разум, расположение звёзд? Да какая разница. Главное, что они просто бросили Тимоху. И это вообще чудо, как понимаю, что он жив.

– В этом вся беда Громовых, да и старых родов в принципе. Полагаться лишь на силу, отвергая путь познания. Не видеть того, как меняется мир... – он запнулся, кажется, осознав, что место не то для пространных лекций. – Впрочем, это не твоего ума дело. Ты ещё слишком мал.

Действительно, куда уж мне до гениев-то.

– Передай Тимофею, что я против этого брака.

– Какого? – я даже сразу и не понял.

– Но поскольку объявления о помолвке не было, то её вполне можно считать несостоявшейся. Пусть уберет Татьяну из госпиталя. Я сам найду ей мужа.

– С фи́га ли?

– И займусь твоим воспитанием.

Три раза.

Вот прямо даже интересно посмотреть, как оно будет.

– Жрать? – робко поинтересовалась Тьма.

Несомненно.

Даже я бы сказал – в обязательном порядке. Правда, не жрать, а передать в заботливые бледные руки Моры, которая, думаю, весьма обрадуется встрече. Вот с ней пусть и обсуждает, что вопросы брака, что воспитания, что иные.

Но позже.

Потому что пока этот засранец нужен, если не живым, то хотя бы говорящим.

А вот рассказывать о его возвращении... с одной стороны, в горячей любви к папеньке и Тимоха, и Татьяна не замечены. С другой, у местных свои заморочки. Поэтому сложно предугадать, как они отреагируют на потенциальную возможность его возвращения.

Вдруг да решат, что чего-то там должны.

Почитать там или слушаться, или вообще объявят этого недобитка главою рода, потому как с юридической точки зрения к нему претензий нет. Доказать его участие в чём-либо крайне сложно, а то и вовсе невозможно. Ведь все наши подвальные рассуждения – это замки из слов.

Нет, пока посмотрим.

Подождём.

– Значит, тайны не делать? Из того, что ты жив? – уточнил я. – Просто мы думали, ты погиб.

Он поморщился.

– При запуске стелы. Той, которая в подвале... ну, не совсем в подвале. Кстати, интересно там всё обустроено. Я и не знал, что там столько всего.

– Ты же бывал в лаборатории.

– Да? Извини. Не помню. Меня так-то проклинали, я едва кони не двинул. Чудом вычу-хался, не иначе. А может, маменька отмолила.

Его раздражает намеренная простота моей речи. И это видно по выражению лица. Вон, прям перекосило, то ли от речи, то ли от упоминания о матери Савкиной.

– А сама умерла. Знаешь?

– Мне это не интересно.

– Зачем ты вообще с ней связался? Хотя... дай угадаю, – я двинулся по широкой дуге, обходя фонтан, не пытаясь приблизиться к отцу, но заставляя его поворачиваться, чтобы не выпустить меня из поля зрения. – Даже гению бывает тоскливо одному.

– У тела есть свои потребности.

– А у души? – я двигался медленно, не нужно, чтобы он видел во мне угрозу.

Я мальчишка.

Всего-навсего мальчишка, который, может, и высокий не по возрасту, и в целом отличается от сверстников, но всё равно не ровня взрослому человеку.

Более того взрослому и гениальному человеку.

Остановиться.

Покрутить головой, будто осматриваюсь. Мальчишкам ведь интересны всякие необычные места. А это – напрочь необычно. За ним же пусть Тьма наблюдает. Это, кажется, что-то новое. Ей не обязательно покидать пределы моего тела, чтобы видеть.

Выражение лица, вот, что важно.

Лёгкая брезгливость.

Недоумение.

И ещё – раздражение. Причём папенька старался его давить, вот, и улыбку вымучил, явно осознав, что диалог придётся налаживать. И очередное подтверждение того, что я ему нужен.

Очень нужен.

Настолько, что он сдерживает свою поганую натуру, пытаясь играть в нормального человека. А что получается плохо, так понятно. Когда он в последний раз нормальным был.

– Душа... сложный вопрос. Не детский. Но меня радует, что ты проявляешь любопытство. Думаю, со временем мы сможем обсудить и этот, и многие другие, действительно важные... и ты прав. Я поспешил. Не стоит пока рассказывать остальным о нашей встрече. Они могут неправильно всё понять.

Не обрадоваться?

– То есть, и Тимохе нельзя?

– Не стоит. Он слишком долго был под рукой моего отца, потому и не способен мыслить широко.

Переводя на нормальный язык – слишком порядочен?

– Да и с Татьяной... ситуация, конечно, неоднозначная. Я обещал её другому человеку. Поэтому просто проследи, чтобы она не натворила глупостей.

Конечно, прослежу.

И натворить не позволю, если вдруг ей кто-то иной папенькину волю передаст, а она решит её исполнить. Эту глупость пресеку немедленно.

– Немного терпения, я вернусь и всё возьму в свои руки, – прозвучало мягко и даже ласково. – Я сделаю так, что вам всем больше не о чем будет беспокоиться.

Прям даже мурашки по коже от такого обещания побежали.

Вернется он.

Да не приведи Мора!

Кстати, о Море и вообще окружении. Есть у меня вопросы.

– Что это за место? – я остановился у фонтана, который и был источником энергии крошечного мира. Именно в его воде, которая скорее походила на дёготь, чёрный и тягучий, пряталась сила. – Странное донельзя. Это не крошечный мир, но и не наш тоже. Полагаю, и не горный? Какой-то третий? Четвёртый? Как его назвать?

– Мы называем его исконным, – отец ответил не сразу, вновь мелькнуло недовольство. Кажется, он надеялся, что я, как и подобает приличному отпрыску, застыну и буду внимать каждому слову свежевоскресшего папеньки. А не вопросы задавать. – Он лежит за пределами и нашего мира, и крошечного, и горного. Он продолжается в каждом из них, объединяя пространство и течение энергетических потоков. Изначально я предположил, что этот мир возник вследствие столкновения миров и выброса энергии, которая преобразовалась в новое пространство.

Надо же.

Но молчим.

Слушаем. Рисуем на физии выражение крайней заинтересованности и самую каплю – восторга.

– Однако позже я осознал свою ошибку, – папёнок заговорил куда бодрее. Прямо и тон изменился, и поза. Явно, тем занимала его больше, чем моя особа.

Я тронул тяжёлую воду, которая наощупь оказалась скользкой. Попытался тронуть. Поток касался моих пальцев и скользил по коже, не смачивая её, и вовсе будто отделенный от неё тончайшей границей. Будто я всё ещё оставался вне границ мира.

– Как осознал и перспективы. Во многих мифах упоминается некое великое дерево, что является пусть и примитивным, но образом надпространства, вмещающего в себя пространство отдельных миров. И в норме те не соприкасаются, – отец заложил руки за спину и за моими попытками наблюдал со снисходительным интересом. – Не стоит пытаться. Физиологически мы чужды этому месту, поэтому взаимодействие с отдельными предметами здесь затруднено.

Понятно.

То есть не очень, но в целом суть уловил.

– Наши миры были как яблоки на ветке, только начали срастаться друг с другом, сказал я, убрав руку от воды. – А ты выбрался из яблока и увидел ветку.

– В очень общих чертах – да, – он ответил не сразу. Потом добавил. – Что ж, наличие образного мышления, несомненно, показывает, что разум твой обладает минимально необходимой подвижностью и некоторым потенциалом развития.

Это, чувствуя, меня похвалили.

Вот есть же люди, которые хвалят так, что лучше б обматерили, оно и понятнее, и логичнее.

– А дальше-то что?

– Дальше... боюсь, объяснять долго и, – он окинул меня насмешливым взглядом, – совершенно бесполезно. Вряд ли ты способен понять, как теорию многомерного пространства, или самозамкнутого, сложенного...

– Ну... так-то да, – я демонстративно поскреб макушку. Интересно, носом шмыгнуть или это уже перебор будет? – Одни миры замкнутые в себе, но при этом пространство продолжается вглубь. Как в крошечном. Там ведь глубоко провалиться можно... ладно, это и вправду не на сейчас разговор. Но как ты тут оказался?

– Ушёл.

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки...

– Что?

– Сказка. Про колобка. Тебе в детстве не читали, разве? Мне вот матушка читала. Там бабка испекла колобок, положила на окно остывать, а он взял и покатился искать себе приключений.

Как морда лица вытягивается.

И папенька, кажется, не знает, что ответить.

– И там ему ещё всякое зверьё встречалось. Сперва заяц, потом волк и медведь. А он от всех уходит. Прямо как ты. От Громовых ушёл, бросив род тогда, когда ты был им нужен.

И род.

И жену. И детей.

Молчит. Глядит исподлобья.

– Ты же знал, что это они, твои приятели распрекрасные хмарь подкинули. И наверняка понял, что эта та самая хмарь, которую ты с Воротынцевым поймал...

– Откуда...

– Да... есть источники, – я осторожно погладил Тьму, запретив ей высовываться. – Поймал и в колбочку засунул. Профессору отнёс. Как колба попала в дом?

– Это... несчастный случай, – отец нервно дёрнул шеей и пальцы сунул под воротничок. Характерный такой жест. Тема уж очень неприятная. Вот и кажется, что воротничок этот стал ему тесен, что душит он. – Мне нужен был материал. Для эксперимента. Я попросил доставить. Она и правда хранилась в другом месте. На общем складе. А один человек решил, что это отличный способ избавиться от меня. У нас имелись разногласия.

Нет, а я говорил, что учёные – те ещё психи?

Вот нормальные бы люди что? Решили бы свои разногласия нормальным же образом. Вызвали там... не знаю, на дуэль или просто мордобитие устроили. Да в конце концов, в тёмной подворотне встречу назначили бы, лома с макушкой. А они вот...

– Обычно я не откладывал работу, – он-таки дёрнул воротничок и тот растянулся, и вся фигура поплыла, но после вернула прежние очертания. – А доставку задержали. Треклятую доставку задержали... потерялась посылка.

– Он её что, почтой, отправил?

Колбу со смертельно опасной тварью отправили почтой?¹ Вот так просто взяли и... почтой?

– Умом он не отличался, пусть и считал себя гением.

Кто бы говорил. Ладно. Промолчу.

– Я получил посылку перед самым отъездом. Я вскрыл её. Проверил целостность контейнера. Он, конечно, отличался прочностью, однако всякое могло произойти.

И произошло.

– Дефектов контейнер не имел.

А заряд? Что тогда взорвалось? Что хлопнуло?

– И я счёл возможным оставить его до возвращения.

И это вновь же логично.

– Я понятия не имел, что этот идиот добавил во внешнюю оболочку малый заряд.

– Во внешнюю?

Чтоб, я ведь колбу и не разглядывал. И отец, глянув сверху вниз, всё же пояснил.

¹ Удивляться не стоит, поскольку в нашей истории одно время даже детей почтой отправляли. В 1913 году почта США приняла новые правила, которые позволили отправлять посылки весом до 5 килограмм. И люди воспользовались возможностью. Первыми послали своего ребенка по почте Джесси и Матильда Бигл из городка Глен-Эсте, штат Огайо. Они купили марок на 15 центов, после чего их новорождённый сын был доставлен бабушке. А миссис Стэйли из Стратфорда, штат Оклахома, выслала своего двухлетнего внука его тёте в Веллингтон, штат Канзас, уплатив 18 центов. Дети не упаковывались в какие-либо коробки или ящики, просто на одежду наклеивались марки, после чего малыши передавались почтальону. Нельзя сказать, что происходило это повсеместно, но случалось, пока в 1920 г не вышло отдельное постановление, запрещающее почтальонам принимать к отправке детей.

– Изначально контейнер представлял собой ёмкость с двойными стенками, пространство между которыми заполнялось изолирующим веществом, что помогало избавиться от утечки и внешних помех, которые могли проникнуть сквозь слой металла и нарушить работу поглощающего слоя. Но если колба определялась на хранение, то для безопасности контейнер помещали во внешнюю оболочку. Разъёмный, но весьма плотный, корпус, состоящий из нескольких слоёв. При смыкании рунный пояс работал, как дополнительный стабилизирующий элемент.

Киваю.

А папенька расходится. Вон и рукой размахивать начал. Левой.

– А этот идиот не только нарушил целостность рунного пояса, устроив разрыв по линии смыкания, но и внёс изменения во внешнюю оболочку. В итоге началось накопление энергии, скорость которого зависела от общей насыщенности в атмосфере, а в поместье она была весьма насыщенной. И при переполнении накопителей случилась детонация, что и привело...

Вот что меня всегда удивляло, так это то, до чего странно устроены люди. Вот взять Василия Громова. Умён ли он? Несомненно. Только ум этот какой-то однобокий, что ли.

В тварях разбирается.

В пространственных теориях.

В артефактах неимоверной сложности. Людей вон учил. Книжки писал. А с другой стороны – дурак дураком. И дело даже не в том, что семью свою просрал. Я, говоря по правде, раньше тоже не особо понимал, на кой она сдалась.

Нет.

В другом дело.

Он сейчас вот с пеной на губах рассказывает, как некто из завистников пытался убить его, несчастного, а вместо этого убил Громовых. И сам в этот рассказ верит. Вижу, что верит. В каждое слово. И фанатично так, когда и тень сомнения не допустима.

А ведь даже у меня эта теория о покушении кучу вопросов вызывает.

– Безусловно, когда я узнал о произошедшем, я едва не сошёл с ума.

Сошёл.

Только ещё раньше. И как часто с сумасшедшими бывает, сам того не заметил.

Глава 2

Господь дал человеку душу и вложил в неё искру силы своей, дабы помогала она отличать доброе от дурного, и первое творить, а второго избегать.

Из проповеди

Сумасшествие – это же не всегда дикие крики и слюни изо рта, смрад или ужас. У отца оно иное. Тихое. Приправленное пылью высоких идей и осознанием собственного величия. Оно, это осознание, однажды упало на глаза шорами, отсекая возможность видеть что-то, кроме прочерченного другими пути. А он и поверил. В ум свой великий. В избранность. В то, что эта избранность даёт ему право решать за других. И вовсе распоряжаться этими другими.

Только говорить бесполезно.

Сумасшедшим нет смысла рассказывать об их безумии, всё равно не поверят. И поэтому я просто спросил:

– И тогда ушёл из рода? Бросил всех?

– Да, не самый умный поступок. Признаю, – неожиданно согласился отец. – Я позволил эмоциям взять верх, что нехорошо. Но ситуация в некоторой мере меня оправдывала. Порой самый совершенный разум вынужден уступить низменным чувствам. Я испытал шок. И страх. И гнев в том числе. С другой стороны, оно и к лучшему. Я не был готов взять на себя дела рода, как того потребовал бы отец. Это бы означало крест на моей работе. А я не мог позволить себе прерваться. Но я оставил ему наследников, чтобы род не прервался...

Оставил.

Как котят в коробке у двери. Ладно, пусть очень породистых котят, но всё же.

– А ещё я желал разобраться с тем, что произошло.

– Разобрался?

– Виновный мёртв.

Не сомневаюсь. Или виновный, или того, кого назначили виновным.

– В тот момент я опасался, что, если останусь, всё может повториться. Я знал, что именно я являюсь целью покушения.

Само собой. Кто ж ещё.

Он ведь настолько заиклен на себе, что не допускает и мысли, что убрали не его.

– Расследование заняло время. И разбирательство. И суд... и когда всё закончилось, я понял, что не хочу возвращаться. Зачем? Опустевший дом. Старые порядки. Постоянное давление отца. Назойливое любопытство Варфоломея, который вечно лез туда, куда не должно. Вопросы задавал. Выискивал. Требовал. Жена с её коровьими печальными глазами и вечными страданиями...

Он скривился.

– В конечном итоге я давно уже существовал сам по себе. Громовы... достойные люди.

Это он явно произнёс нехотя.

– Однако они давно уже часть прошлого. И то, что произошло в тот день, в конечном итоге всё равно бы случилось. Рано или поздно...

Ещё одно оправдание, за которое папенька радостно ухватился.

– Старые рода, старые порядки... всё это тормозит прогресс. Замедляет развитие мира и общества. Впрочем, это вновь же слишком сложные материи. Сейчас не время и не место.

Вода ласкала руки.

Теперь я способен был ощутить её тяжесть. И силу поглощал кожей.

– А где место? И когда? – поинтересовался я, раз уж беседа складывалась.

– Позже. Если ты покажешь себя достойным сыном.

И снова взглядом буравит. Надеется, что я запрыгаю, убеждая, что всенепременно покажу? Но я стою. Смотрю. Жду продолжения.

А Тьма и Призрак подбирают капли силы.

Деваться мне всё одно некуда, спешить – тоже. Я понятия не имею, как выбраться с этой изнанки миров. А вот отец знает. И чую, физически он находится в совсем ином месте.

Убить его?

А дальше?

И главное, смогу ли я? Не стоит обманываться. Вовсе он не слабосилок. А о месте, где мы находимся, знает не в пример больше моего. Не говоря уже о прочем.

– Упёртый. В Громовых. Громовы всегда отличались абсолютно бессмысленным упрямством и полным отсутствием гибкости...

Честно, прозвучало комплиментом.

– Ты ещё юн, поэтому меня не покидает надежда, что я сумею достучаться до твоего разума, но...

– А ты жив? – я воспользовался паузой. – Имею в виду, не здесь, в заповедье...

– Как ты сказал?

– Заповедье. За пределом миров, следовательно, заповедье. А что?

– Абстрактность мышления и способность подбирать ассоциации возможны при достижении определенной ступени развития. Следовательно, моя кровь всё-таки взяла верх, хотя я и не надеялся.

А то. Всё хорошее – его заслуга. Как иначе-то.

– Так жив или нет?

Он не хочет отвечать на этот вопрос.

Морщится.

Кривится. И всё-таки отвечает:

– Жив. Разум, к сожалению, не способен существовать в чистой форме, пусть даже тело зачастую становится обременением... – Василий Громов поднял руку, посмотрел на неё и опустил.

Но я тоже увидел – черные пятна-язвы, которые появились на коже. Они украсили ладонь этакой плесенью, выбравшись из рукава и протянув дорожки к пальцам.

– Мне пришлось рискнуть. И этот мир взял свою цену. Но я выжил. Меня ведь считают мёртвым?

– Считают, – не стал отнекиваться я. – И твои дружки, полагаю, в том числе. Ты ведь внёс изменения в ту штуку? Так? Они надеялись... на что, к слову, надеялись? Что она будет выкачивать силу из тварей, этаким небольшой завод по выработке мёртвой воды? Концентрированной энергии? А ты подправил и... завод замкнуло? А силу выкачало не только из тех созданий, которые вы к стеле прикрутили? Но вообще из всех?

Папенька изобразил улыбку. Именно, что изобразил, сразу видно, что при жизни он улыбался редко, и потому гримаса вышла уродливой.

– Пробой пространства требует энергии. Я уже не говорю об разнице энергетических потенциалов, которая и создала своего рода воронку за счёт силового перепада.

Точно, колобок...

Шизанутый, но очень умный колобок. Этакого не всякая лиса одолеет.

– Но получилось неплохо, – произнёс это папенька так, что стало ясно – собственным подвигом он всецело доволен.

– Они умерли.

– Кто?

– Да все. Сперва Глыба и его сын. Отмороженная дочурка тоже. Там, в подвале.

– Мастера жаль. Редкий талант. Он мог бы принести немало пользы.

– Ты поэтому пытался спасти его?

– Хорошим инструментом не разбрасываются.

Цинично. Но верно. И в портрет вписывается.

– Но он всё равно умер. Как и существа, которых вы отловили. Потом мама... к ней пришли, потому что ты сказал, что прячешь книгу в доме. Для кого ты её оставлял?

– Для друга. Только он не успел.

– Не больно-то он и спешил.

Это папенька не про Евгения? Сомневаюсь, что у него так уж много друзей.

– Он был в отъезде, – отец вновь поморщился. – А когда вернулся, то ни тебя, ни твоей матери не было. Дом также опустел. И за ним приглядывали.

– Люди Профессора?

– Кого-кого?

– Гранд-Мастера вашего. Профессора...

– Да, – отец кивнул. – Мой друг проверил тайник, но ничего не обнаружил. И пришёл к выводу, что книга потеряна.

А главное, спокойно так говорит.

– И не стал искать? Ни маму, ни меня?

– Я оставил этой идиотке достаточно средств на безбедную жизнь, но она умудрилась...

– Хватит, – я оборвал его резко.

Ну да, она виновата.

Виновата, что связалась с самовлюблённым кретином. Возможно, влюбилась. И поверила ему. Что родила ребенка. Что пыталась быть хорошей матерью, как это понимала.

И точно виновата, что спасала Савку.

– Из-за тебя к ней пришли. Твои друзья.

– Не друзья.

– Как пришли когда-то к Громовым. Или они тоже сами виноваты?

О, его выражение лица сложно было описать. И головой дёрнул, и сухо оборвал:

– Это больше не важно.

– Почему? Ах да, они все умерли, а идеи остались...

– В этой жизни постоянно кто-то умирает, – отец пожал плечами. – Смерть – процесс естественный. А перемены невозможны без разрушений. Но, повторяю, это долгая и совершенно бессмысленная в данном случае дискуссия. Ты слишком мал и глуп, чтобы понять.

Куда уж нам, убогим.

– А имя назовёшь?

– Чьё?

– Гранд-Мастера. Профессора. Того, кто когда-то собрал ваш кружок. Того, кто направил тебя и Воротынцева на Север. Кто превратил кружок в тайное общество... Философы, да? почему Философы?

– Потому что, если бы ты был более образован, то знал бы, что философия – это «любовь к мудрости». Мы полагали себя мудрецами... – а вот теперь он на мгновение сбросил маску. И я увидел человека бесконечно уставшего. Измождённого. Больного? Похоже на то. Значит, язвами дело не ограничилось. – Мы хотели изменить мир к лучшему. Мир ведь всегда только так и меняют, к лучшему. И никто никогда не задумывается о цене... имя? Для твоих знакомых из Охранки? Что ж... вряд ли они смогут хоть что-то, но почему бы и нет. Бестюжин. Игнат Илларионович Бестюжин.

Чтоб... а это вообще кто?

Ну, помимо того, что наше мировое зло?

И папенька охотно пояснил.

– Лейб-целитель из свиты Её Императорского Величества. Бывший уже. С позапрошлого года в отставке. Милейший человек. Начитан. Образован. Интеллигент. Сколь знаю, давно собирается переехать за границу. У него много друзей... но, может, ещё и успеете.

Так, имя есть.

Но стоит ли верить тому, кто его назвал?

– Он большой друг нынешнего ректора, который тогда ректором не был. Как и Игнат Илларионович не был лейб-целителем. Хотя и подавал надежды, но... впрочем, о том самого и спросите. Если возьмёте живым. Мы познакомились в университете. Он приезжал по приглашению студенческого научного общества. Принимал участие в дебатах, рассказывал о последних достижениях науки. Он часто бывал в Европе, вот и привозил оттуда, что журналы, что новости. Мы много говорили.

– О Вольных каменщиках?

– И о них в том числе. Задумка ведь отличная. Общество, в котором сословность не изживается, что невозможно, но переходит в другую плоскость. В котором важна не вереница благородных предков, старшинство рождения, что смешно вовсе... не личная сила, но лишь разум и польза, приносимая обществу отдельным индивидом. Торжество науки и научного взгляда...

Отец сунул палец под воротничок и поправил.

– Если возьмёте живым, передавайте привет. Скажите, идеи, как и сама природа, не стационарны. Они живут и развиваются, преобразуясь в нечто новое. И что я не держу на него зла. Первые всегда ложатся в могилу, но в этой мы будем не одни...

Как-то всё размыто.

Но имя – это хорошо.

Очень хорошо.

– Я исполнил твою просьбу?

– Да, – ответил я, глядя на отца, а ведь чёрные пятна появились и на шее его. Они выглядывали из-под ворота рубашки, поднимаясь выше. Правда, пока лицо не затрагивали.

– Тогда, надеюсь, ты исполнишь и мою.

Просьбу?

Похоже, мы добрались до сути.

– Постараюсь, – я не стал давать обещаний. – Смотря в чём она заключается.

– Поверь, ничего сложного. Сколь я знаю, ты собираешься представлять проект на выставке, – это было утверждением.

– Не только я.

– Это мелочи, – отмахнулся папенька. – Главное, что ты там будешь.

Не хотел бы, но придётся. Я кивнул.

– Отлично. Следовательно, тебе не составит труда взять кое-что с собой. Накануне мой друг передаст тебе одну вещь. Небольшую... примерно... – отец вытащил из кармана нечто.

Узкое.

Белое.

Четырёхгранное. Я даже не понял, что вижу.

Стела? Точнее копия её.

– Это... что?

– Небольшой подарок моим прежним соратникам, – отец убрал стелу в карман. – А заодно – мой шанс вернуться.

А вот это меня совсем не обрадовало.

Вернуться?

Вот на кой ему возвращаться? Заскучал в подполье?

– Надеюсь, мы договорились? – улыбка папеньки была широка и зубаста, как у крокодила. – А если тебе вздумается шалить...

Лёгкое движение пальцами. И кольцо вокруг сердца стянулось. Эхо боли прокатилось по телу, колени подогнулись и на ногах я удержался только чудом.

– Мы поняли друг друга?

Он отпустил поводок, позволяя мне вдохнуть. А я кивнул, надеясь, что выгляжу в достаточной мере напуганным. Впрочем, я и вправду испугался.

И разозлился.

Но второе – излишне.

– И если надеешься на своего приятеля, то разочарую, – а вот отец наблюдал за мной с интересом, таким, характерным весьма. – Шуваловы тебе не помогут. Ещё один прекрасный пример глупости и косности. Столько лет владеть сокровищем, азбукой иного мира, иного языка. И что? А ничего! Они молились на буквы, но не пытались составить из них даже слова, не говоря уже о предложениях или связном тексте...

Он взмахнул рукой, и проклятье разжалось, почти исчезло.

– Шуваловы не помогут тебе, Савелий. А вот я...

Передо мной появился разлом.

– Я многое могу сделать для своего сына. Если он меня не разочарует.

Да пошёл ты...

Благодетель.

– Да, отец, – я заставил себя склонить голову. – Я... постараюсь.

– Умница.

Глава 3

Судьба дала мне корректную внешность – изящной брюнетки с блестящими выразительными глазами, дала мне острый ум, находчивый язык и... больше ничего!.. если не считать неутомимой жажды света и простора! Ах, как хочется жизни, блестящей, как фейерверк, искрящейся, как шампанское, любви жгучей, как солнце юга, любви глубокой, как таинственное дно бушующего моря!.. Чтобы достигнуть этого, я ищу мужа богатого, не глупого не неврасстеника, каких так много в наш больной век, а понимающего красоту жизни, понимающего и умеющего ценить прелести женского ума и женской улыбки. Предложения только серьезные адресовать: Москва, 19 почтовое отделение, предъявителю рублевого кредитн. билета № 169145
Московский вестник

Возвращение было болезненным.

Хрип.

Я услышал его со стороны. А потом ощутил, как горят слипшиеся лёгкие, которые выдохнули весь воздух, а вдохнуть новый не сумели. И как обрывается ритм сердца, сдавленного треклятым червяком проклятья. И холод.

Мертвенный холод, который я притащил оттуда, из запределья.

Тогда я подумал, что, наверное, всё-таки умру.

Потом подумал, что зря не попытался достать папёнку, глядишь, смерть тогда не была бы бессмысленной. А потом грудь пробили чьи-то раскалённые пальцы, и от этого удара по телу прокатилась горячая волна силы.

Знакомой.

Целительской.

Она убрала спазм, и рёбра сами раздалились в стороны, спешно растягивая мешки лёгких. И воздух, обжигающий, сладкий, потёк внутрь.

– Савка! – крик доносила сверху, но сил открыть глаза не было. – Савка, ты...

Я.

Я живой.

Всё-таки живой. Ног по-прежнему не ощущаю, не знаю, что этот поганец мне вколол. В голове муть. Туман. Но я живой.

А ещё злой, как никогда прежде.

И Тьма клубится, подпитывая меня собственной силой. Не только собственной. Призрак тоже делится. Тени сплетают силу, и Тьма буквально выталкивает её в кровоток, выплавляя лёд другого мира.

Сколько их на самом деле?

Свёрнутые пространства. Развёрнутые. Как ковры. Каждой со своим узором. Сознание уплывало, но я усилием воли заставил себя держаться.

Вдох.

И выдох. И снова вдох. Пальцы из груди не исчезли.

– Савелий, ты меня слышишь?

Слышу.

Я бы ответил, но губы тоже онемели. И язык. Только и могу, что дышать.

– Николай Степанович... – нервный голос Метельки того и гляди сорвётся. Как и сам он.

– Спокойно. Он жив. И будет жить. Паралич вызван ядом, но тот...

Уходит сознание.

Туда-обратно.

Обратно-туда... качает, как кораблик на волнах. Или вот качели. С детства не сидел на качелях. Правда, те, детские, всё-таки куда более безобидны. Ничего, папенька, я это запомню.

Всё запомню.

– Яд уже начал распадаться, я ускорил процесс и надо...

Что именно надо, я не услышал.

Отключился всё-таки, хотя мужественно пытался удержаться на краю. Но порой это просто невозможно.

Лежу.

Вот хорошо лежать, когда просто вот лежишь и можешь пошевелить пальцами. Я первым делом и пошевелил. Сперва на ногах, потом на руках.

Собственно, и руками, убеждаясь, что паралич отступил. А вот проклятье никуда не делось. Теперь, после путешествия в далёкие хрени, я его ощущал очень даже неплохо. Свилось не змеей, скорее уж сколопендрой. Многосуставчатое тело обвилось сердце, впившись в него сотней тонких паутиноподобных лап.

Что тут скажешь, дрянь, как она есть.

– Сав, глаза открыть можешь? – Метелька был рядом.

– Н-не... знаю, – я попытался разлепить веки. И тотчас зажмурился. – Свет убери...

– Ну, мне показалось, что со светом будет лучше, – но лампу Метелька отставил на стол. – Николая Степановича позвать?

– Н-нет... Т-таня знает?

– Нет. Николай Степанович просил не говорить. Опасности уже не было, но она бы испугалась.

Правильное решение.

Правда, совсем скрыть такое точно не выйдет... сказать... что сказать? Правду нельзя, про проклятье и возвращение папеньки. Татьяна только-только к жизни начала возвращаться, ни к чему ей оно... а вот Тимоха... думать надо.

Но пока не получается. В голове манная каша. Во рту дерьмо. Из всех желаний главное – кого-нибудь прибить.

– Он сказал, что у тебя был скачок роста. Такое иногда случается. После поглощения силы. Вот тебя и вырубил.

– Отличный вариант.

И мужик Николя отличный. А папеньке не нравится.

Ладно, плевать.

Не будет папеньки, не будет и проблем.

– Того... уроды... который это устроил, – говорить длинными фразами не получалось. – Его нашли?

– Какого?

– В смысле? – от удивления у меня оба глаза и открылись. – Того, что нас из подвала забрал? Евгения? Ты ж о нём рассказал? Чтоб нашли?

А вот удивление Метелькино очень даже натуральным выглядит. Да и не стал бы он меня разыгрывать. Не тот случай.

– Таня отвела нас в подвал. Так? – уточнил я.

Метелька кивнул.

– Там сидела медсестра. Старая такая. Мы сматывали бинты и раскладывали их. Так?

Снова кивок.

– Потом вошёл целитель. Поздоровался с медсестрой. И она с ним. Явно были знакомы. И он сказал, что нас с тобой Николя вызывает. Помнишь?

Метелька нахмурился.

И сильнее.

И голову склонил.

– Н-нет... – он зажмурился и крепко-крепко. – Я не... извини, Сав... я... сейчас.

– погоди, – я всё-таки сел в кровати. От удивления и злости слабость отступила. – Давай иначе. Мы сидели. Бинты. Помнишь?

– Да.

– А потом? Как мы очутились в коридоре?

– Я... – и выражение лица стало растерянным. – Я не знаю. Не помню. Помню, тебе стало плохо, и я побежал за Николаем Степановичем. А потом привёл его...

– Куда?

– Туда, где ты был, – ответил Метелька уверенно.

– А где я был?

– Сав...

– Метелька, я серьёзно спрашиваю.

Потому что этот треклятый Евгений, который наверняка точно не Евгений, просто взял и убрал себя из памяти Метельки. И тут же я вздрогнул, спохватившись.

– Стой. Не пытайся вспомнить. Если это и вправду менталист...

То мы рискуем.

А если он поставил блок, который мы ломаем, то Метелька умрёт. Он упрямо мотнул головой и произнёс:

– Ты лежал в старой прачечной. Там стирали раньше, но когда госпиталь перестраивали, прачечную расширили. Старая там совсем маленькая. Не справлялась. Из неё всё вынесли. Туда же шкафы поставили. Хранить... всякое... там, щёлочь, которой бинты вымачивают, – Метелька говорил медленно, осторожно отмеряя слова. – Но я не понимаю, что мы там делали. Точнее я как будто знаю, что нас туда послали за чем-то. Только это не правда.

Он поднял глаза.

Постучал по виску.

– Тут будто всё двойится. Одно настоящее, а другое – то, что я должен знать. И если не задумываться, то всё хорошо. А если попытаться понять, как оно было, то вот и двойится. Выходит, мне в голову влезли?

– Выходит, – согласился я.

– Ага... а почему не до конца? Ну, я теперь вроде понимаю, что нас кто-то позвал...

– Стой! Не пытайся вспомнить. А то мало ли...

Метелька кивнул.

– Просто... почему тогда вообще выходит, что я понимаю, что оно неправильно?

– Может, – я задумался, но объяснение было лишь одно. – Может, потому, что ты слишком давно со мной? А в моих мозгах он не копался.

Не успел?

Нет, времени у него было изрядно.

Не смог? Скорее всего. Потому что я был в отключке? Вообще, как оно для менталиста? Важно состояние пациента? Или не особо? Или дело в силе? В тенях? В том, что я в другой мир отъехал?

Главное, что меня он не зацепил.

А Метельку...

– В общем, – я облизал губы. – Я уже почти... в норме... но зови Николая. И Шуваловых бы кого-нибудь...

Всё-таки проклятья – это по их профилю. Папенька, конечно, предупредил, что не помогут, но, сдаётся мне, что и Шуваловы не так просты. Так что, обратимся к экспертам.

– И да... Тимоху бы.

Как ни крути, а без Тимохи не выйдет.

– Он не звонил?

Метелька покачал головой и, поднявшись, глянул на меня. Уходить ему явно не хотелось.

– Ты... лежи, да?

– Лежу, – сказал я, возвращаясь на подушки. – Куда я денусь...

Лег на подушки, руки сцепил на груди, пальцами шевелю, радуясь такой простой возможности.

– Тьма, – тихо позвал я. И тёплый толчок в груди стал ответом. И обида. – И ты тоже. Вы мне оба нужны.

Что-то подсказывает, что ни хрена этот Евгений не целитель. Но в госпитале он держался свободно. О Татьяне вон знает. О помолвке её. Значит, где-то здесь, рядом крутится.

– Человек. В коридоре, – я говорил шёпотом, хотя в этом не было нужды, но я хотел говорить. Образ всплыл в памяти. – Узнаете?

– Да. Жрать? – уточнила Тьма деловито. И я вздохнул, чувствуя преогромное желание согласиться. Всё-таки жив был ещё пережитый ужас.

– Нет... найти. Но не приближаться.

Внешность... внешность – это не примета, если менталист, то внешность может внушить любую. Но тени смотрят не глазами. А они были со мной. И видели этого поганца. Так что, если он здесь, то найдут.

А дальше...

– Наблюдать. Показать. Мне. Вы как?

Призрак, выбравшись, заворчал. И до меня долетело ощущение тревоги, беспокойства.

– Всё хорошо, – я положил руки туда, где ощущал тепло. – Выберемся.

Подумал и добавил:

– И всех сожрем.

Потому что ну их... тварей.

Николя вошёл быстрым шагом и, махнув Метельке к двери, велел:

– Рассказывай.

– Скажите, а у вас есть целитель по имени Евгений? Такой... – я понял, что не способен описать его. Вот вроде бы лицо видел, ясно, и помню, что видел, но описать?

Не получается.

То ли высокий, то ли низкий. То ли толстый, а может, наоборот, худой. Или вот обычный. Стало быть, и без копания в моих мозгах не обошлось. Но Николя снял очки, глянул на меня и ответил:

– Нет. Ни одного целителя по имени Евгений в госпитале нет.

Так я и думал.

Целитель – это не просто. Целитель – это ответственность. И вряд ли менталист справится с ней. Но в госпитале помимо целителей хватает народу. Причём с его умениями личины можно и менять.

Сегодня он санитар или как тут называют их.

Завтра – пациент.

Послезавтра...

До послезавтра, надеюсь, этот урод не дотянет. Или... надо сперва выяснить. Мало ли. А то вдруг с менталистом грохну и всех, в чьих мозгах он покопался. Нет, в теории не должно бы, уж очень тогда хрупкой система выйдет, но всё-таки лучше спросить.

И да, учиться... учиться, учиться и ещё раз учиться.

– Что за он? – поинтересовался Николай, заодно взяв меня за руку. Пошевелил моими пальцами, заставил сжать его ладонь, разжать, скрутить фигу.

И левой рукой проделать то же самое.

Вытянуть обе и, закрыв глаза, коснуться носа.

Улыбнуться.

Скорчить рожу. В общем, осмотр – дело такое, глубоко творческое. И я не капризничал, потому как хорошо помнил, каково это, быть запертым в теле. Да у меня и сейчас от воспоминания давление подскакивает. Но всё заканчивается, и судя по тому, что Николя выглядел довольным, жить я буду и в целом неплохо.

– Сядьте, – я оставил Призрака у дверей, а вот Тьма высунулась дальше. – У вас тут... как бы... менталист.

Рассказ мой краткий Николай Степанович слушал крайне внимательно. И хмурился. И мрачнел. И на дверь косился. О папеньке я рассказывать не стал.

Просто... встреча.

С одним из философов, который моею особой заинтересовался. И о просьбе его. О проклятии, что было не совсем проклятьем.

В конце концов, это ведь важно. А что до папеньки... успеется.

– Ясно, – произнёс Николай Степанович. – А я ещё удивился, что вам в кладовой понадобилось. Метелька толком объяснить не может, хотя привёл сразу. И да, пожалуй, взгляд у него был рассеянным. Речь путалась. Я, признаться, решил, что от волнения, но если менталист...

Николай Степанович снова оглянулся на дверь.

– Сейчас тут никого, – сказал я. – Тени приглядывают. И они его узнают. Я вот лица не помню, но им лица не нужны.

– Только без глупостей.

– Приближаться не стану, но присмотрю.

Потому что он – это ниточка к отцу. А мне очень надо до папеньки добраться. Причём раньше, чем он доберется до Тимохи с Татьяной.

– Понять бы, за какой маской он скрывается.

– Он не целитель. Целительская сила отличается от прочих... и нет, он не рискнёт выдавать себя за целителя, – Николай Степанович подтвердил мою догадку. – Слишком высок шанс, что ему придётся иметь дело с больными, а болезни внушением не лечатся. И да, он может отвести взгляд двоим или троим, возможно, что и большему количеству людей, если силён. Но всё одно возможности ограничены. И само использование дара утомляет. Чем больше объектов, тем выше нагрузка. Я вот легко справлюсь с одним пациентом средней тяжести, с двумя – тоже, а вот трое и выше... нет, не получится. Во-вторых, целители... скажем так, учатся контролировать свой разум. Это позволяет защититься от тяжёлых эмоций, которые неизбежны при работе с людьми, особенно с больными. Подобное умение позволяет сохранить свой разум и не выгореть, а заодно делает нас менее восприимчивыми к внешнему воздействию.

Даже так?

Очень интересно.

– А об этом знают? – уточнил я.

– Не уверен, но... менталист, как мне кажется, должен уметь оценивать восприимчивость объекта к дару. Это в целом свойство любого дарника. Огневик будет чувствовать пламя и, если можно выразиться, горючесть разных материалов, воздушник – воздух. Карп Евстратович буквально на инстинктивном уровне понимает, как поставить щит в тех или иных условиях.

А менталист – кто и как отреагирует на внушение.

– Есть мнение, что это – неосознаваемая разумом часть дара, – Николай Степанович поднялся. – Общая для всех дарников.

Я призадумался.

А со мной тогда как? Или... я пока не попадал в условия, когда должен был что-то там оценивать? Или попадал, но было уже не до оценки? Или оценивал, но сам того не понимал. Ладно, потом разберусь.

– А вот просто находиться в госпитале – несложно. Тут, к сожалению, всегда множество людей. Персонал. Пациенты. Их родные и близкие. Охрана... нет, туда он тоже не полезет, если умён. У гвардии могут оказаться амулеты, даже не защитные, но реагирующие на использование силы в определённых частотах.

Николай Степанович выдохнул.

И добавил:

– Возможно, искать его уже нет смысла. Он вполне мог уйти.

– Нет, – я покачал головой и понял, что полностью уверен в сказанном. – Он не скрылся... он тут. Наблюдает.

И за мной.

И за ним. И за Тимохой. А ещё и за Татьяной. Это его взгляд она ощущала. А наблюдателя не заметила, потому что смотрел издали. Или всё-таки отвёл взгляд?

– Он уверен, что я его не узнаю. Метелька вовсе не вспомнит. Как и ваша Авдотья Никитична.

Дёргать почтенную даму смысла вовсе нет. Только напугаем.

– Но о том, что тени тоже видят, он не знает.

Кстати, о тенях, по крайней мере одной, папеньке должно быть известно, но вот о том, что это за тени...

– А он мог воздействовать на... – я мысленно перебирал кандидатуры, понимая, что много их. И каждый – потенциальная брешь.

– На Алексея Михайловича? Исключено, – Николай Степанович понял, чего я опасуюсь. – Никто в здравом уме не рискнёт связываться с неизвестной силой.

– В здравом, – проворчал я.

– Ну, то, что Философы творят безумные вещи, не исключает способности мыслить и оценивать риски. Он выбрал бы цель попроще... да и бывает Алексей Михайлович здесь крайне редко. И не остаётся один. Не самая удобная цель.

– Карп Евстратович?

– Или ваши друзья. Но здесь опять же, всё упирается в силу и способности. Авдотья Никитична – женщина пожилая и дара лишена. Внушить что-либо ей несложно. Особенно, если надеть халат.

– А халат при чём? Или у вас какие-то особые халаты?

Николай Степанович приподнял полу.

– Обыкновенные. Но халаты носят целители. Или помощники целителей, которых Авдотья Никитична безмерно уважает. А значит, и доверяет. Внушить же что-либо тому, кто тебе доверяет, много проще, чем тому, кто насторожен.

Чтоб.

А ведь... и вправду артефакт.

Мы ведь тоже пошли за этим типом. Хотя знали, что целителям верить нельзя, но... поверили? Доверились? Как это правильно назвать? И мысли не возникло, что этот тип опасен.

– С Метелькой сложнее. Он убрал эпизод из памяти, внушил, что нужно делать и куда меня вести, но при этом следы воздействия остались. Да и полного замещения воспоминаний не произошло, что говорит о некоторой неопытности. Хороший менталист не оставляет дыр в памяти. Он знает, что провалы нервируют. Они как свежие раны, которые зарастают и чешутся. И человек будет снова и снова возвращаться к этим провалам, пусть и сам того не осознавая.

– Это опасно?

– Нет. Вашему другу ничего не угрожает. Физически. Возможны перепады настроения. Кошмары. Приступы гнева или наоборот угнетенное состояние души...

Ну да, совсем ничего.

– Но сомневаюсь. Речь идёт об одном кратком эпизоде, тогда как всё, о чём я говорю, было описано в отношении куда более серьёзного вмешательства. Но действительно умелый менталист не стал бы убирать воспоминания. Он бы их заменил. Или создал новые, это не так сложно. Достаточно подтолкнуть разум в нужном направлении, и он сам придумает подходящее объяснение. А если так, то, полагаю, менталист или не силен, или недостаточно обучен. Всё же особая сфера, если так можно выразиться. Почти столь же своеобразная, как некромантия.

И учителей найти непросто.

– Значит...

– Ваши друзья – дарники, за исключением Метельки. И дарники сильные. А дар сам по себе защита, обойти которую можно, и есть прецеденты. Но это требует и знаний, и умений, и собственной силы. А ещё контроля над ней. И времени. Так что... сомневаюсь.

А ведь в чём-то он прав.

Татьяна ощущала взгляд. Но и только. Евгений не рискнул приблизиться. Хотя казалось бы, что ему стоило свести знакомство, а там под чайк и мозги промыть.

– Что до Карпа Евстратовича, то и дар у него силен, и служба специфическая, а потому подразумевает наличие защиты. С целителями, как я и говорил, менталистам сложно... так что вариантов у него немного.

Метелька.

Но он почти всё время при мне. Хотя... нет, Евгения мы найдём. А дальше уже решим проблему. Если понадобится, то радикально.

– Что до вас, Савелий, – Николай Степанович снова перехватил меня за запястье, прислушиваясь к пульсу. – Как понимаю, его сила на вас вовсе не подействовала?

– Нет. Правда, у меня проклятье. И ещё он что-то вколол. Что, кстати?

– Яд.

Я понял, что не витаминки.

– Слабая вытяжка из туманной травы, смешанная с некоторыми другими ингредиентами.

Кстати...

Он замолчал, нахмурившись, точно вспомнив кое-что.

– А ведь когда-то её представляли Гильдии целителей. Была заявка на патент. Вытяжка погружает пациента в столь глубокий сон, что он не ощущает боли. Предполагалось, что её можно использовать для операций. Или когда пациента мучают сильные боли. Но во время испытаний выяснилось, что рассчитать правильную дозу весьма непросто. А превышение ведёт к тому, что у ряда пациентов в определенный момент сна наступает паралич дыхания.

– Это... – я коснулся горла.

– Да.

Чтоб...

– Татьяне не рассказывайте, ладно, – я потер шею. Как-то вот одно дело ощущать, что едва не умер, и совсем другое – услышать это от целителя.

Ощущения – дело субъективное.

Неприятное.

Но основное я понял. Снова Гильдия целителей. Ах да... чуть не забыл.

– Николай Степанович, – я потрогал шею. – Скажите, а Игнат Илларионович Бестюжин вам случайно не знаком?

Глава 4

ПЕРВЫЙ РАЗ В РОССИИ

ВСЮ ПРАВДУ СКАЖУ

Многолетняя практика. Строго-научное ГАДАНИЕ по древне-библейским книгам и планетам. Определяю все, что каждого интересует и что каждому дорого и мило в жизни. Указыв. счастлив. дни для каждого дела. Даю советы. Прием ежедн., кроме воскресений, от 12 ч. до 8 ч. веч. Вход 1 руб. Усачев пер., д.3, кв.4. (2-й дом от угла Садовой).

Московские вести

Казалось бы, вот оно.

Имя названо.

Злодей выявлен, пусть лично мы пока и не знакомы. Дело за малым – свершить правосудие. Ну или хотя бы арестовать.

Вот только...

Доверия к тому, кто назвал это имя, у меня нет. А потому с правосудием лично я бы погодил. С папенькой вполне может оказаться, что этот самый Бестюжин вообще не при делах, просто не повезло человеку рядом оказаться.

А если и при делах, то где доказательства? За что его арестовывать? И что предъявлять?

– Бестюжин... – протянул Николай Степанович и встал. – А ведь... всё-таки он, выходит, если и вы...

– И я? А кто ещё?

Обидно, честное слово.

Играешь. Выясняешь важную информацию, а оказывается, что она не так и важна. В смысле, что они это тоже знают.

– Час тому Алексей Михайлович о нём спрашивал. Не знаком ли. Что могу сказать о нём. Я, признаться, как-то и не поверил. И сейчас не верю.

Алексей Михайлович, значит?

– Лежать, – рявкнул Николай Степанович, и я послушно вытянулся в кровати. – Вы, Савелий, кажется, не поняли. Вы едва не погибли. К тому моменту, как я вас нашёл, вы не дышали. И я не знаю, как долго вы не дышали. И на мою силу отозвались не сразу. И потому я не могу обещать, что всё вот это...

Он взмахнул руками, что было бы смешно, если бы речь шла не обо мне.

– Пройдёт без последствий. А проявиться они могут далеко не сразу. Мне бы не хотелось оказаться в ситуации, когда ваше сердце вдруг остановится от небольшой, но в вашем положении избыточной, нагрузки. Или случится инсульт...

– Мне бы тоже не хотелось, – сердце я потёр и невольно прислушался.

Бьётся.

И вроде бы останавливаться не планирует. Но Николая прав.

Целитель кивнул и произнёс куда спокойней.

– Хорошо, что мы поняли друг друга. Савелий, это и вправду очень серьёзно. И вы будете лежать здесь, в этой палате. И ждать, когда Алексей Михайлович или Карп Евстратович, или Шувалов... или ещё кто-нибудь не появится...

– Вот Шувалова бы особенно хотелось, – я потёр грудь. – Можно не самого старшего, но того, кто в проклятиях разбирается. И... передайте Алексею Михайловичу, что не стоит верить тому, кто назвал это имя.

– Передам, но... – Николай Степанович, кажется, в моё благоразумие не поверил. Снова потянулся к рукам, сдавил, замолчал, прислушиваясь к пульсу. Теперь его сила вливалась тончайшими ручейками, растворяясь в теле.

– Но? – поинтересовался я, когда молчание стало напрягать. Вот когда врач молчит с таким выражением лица, как сейчас, поневоле в голову всякое лезет.

– Всё неплохо. В любом ином случае я бы сказал, что держать вас в больнице нет смысла, но...

– Да понял я! Лежу. Лечусь. Ни во что не лезу. Что не так с Бестюжиным.

– Только то, что если это и вправду он, то смысла в имени немного.

– Почему?

– Бестюжин болен. И болен смертельно. Да, с целителями такое тоже бывает. Несколько лет он боролся и... скажем так, в его случае это очень много. Однако некоторые болезни не поддаются излечению. И насколько я знаю, осталось ему не так и много. Во всяком случае, мой отец упоминал, что речь уже не о месяцах...

Вот же ж.

Обидно, да...

Тогда вообще какой во всём смысл? Если болен? Если умирает? Чтоб...

– Лежи, – повторил Николя устало. – Им уже занимаются. Он или нет, это проверят.

Без меня. Что логично.

Не та я фигура.

– Бестюжин – не твоя забота. Карп Евстратович, думаю, расскажет... у него, как я понял, на тебя большие планы.

Прям даже не знаю, радоваться ли этому или нет.

– А потому он тоже огорчится, если ты не доживёшь до их воплощения. Хотя... – Николя улыбнулся. – Планы на тебя есть у многих.

В пору гордится собой, замечательным.

– А Шувалову я позвоню.

Только Шувалов наверняка занят.

У него книга.

Обряд.

И Лавра.

И ещё этот Бестюжин, про которого, как я начинаю думать, папенька сказал, чтобы нам было чем заняться помимо моего спасения. Но Шувалова тоже привлекут.

– Не спешите, – я всё-таки сел. Ощущения смешанные, но в целом неплохо. Проклятье вело себя прилично, ощущаясь на самой грани. Нет, исчезнуть не исчезло, но и мешать не мешало. – Я не умру ни сегодня, ни завтра.

– Савелий... – и взгляд, полный укоризны.

– Да не собираюсь я уходить!

Клиническая смерть, она заставляет задуматься над вопросами здоровья.

– И лежать буду. Или сидеть. Просто уже всю спину отлежал. Сейчас на бок перевернусь и дальше буду. Я о другом. С проклятьем можно не спешить. Оно меня не тронет. Я им нужен.

Очень нужен.

Настолько, что папенька рискнул выйти из тени. Чтоб ему пусто было... но о нём не здесь.

– Они хотят, чтобы я кое-что пронёс на выставку. Для этого и заморочились. С проклятьем, с игрой этой вот, с менталистом, которого рискнули вывести. О нём же никто не знал вообще.

Как и о папеньке.

– А само проклятье, как я понимаю, скорее маяк, который позволил меня переместить.

Душу?

Суть?

То самое, что перетащила Мора из моего мира в нынешний.

– Мёртвым я буду бесполезен. Так что... терпит. Но Татьяне всё одно не говорите. Ладно?

– Не скажу. А ты...

– Буду лежать. Честно. Но недолго. Пару часов ещё пролежу или даже до утра. Но насовсем в палате не останусь. Надо всё-таки в школу... выставка эта... если состоится.

– Обязательно состоится, – заверил Николая. – Если имя названо верно, то... не важно, умирает Бестюжин или нет, он проживёт достаточно, чтобы принять Исповедь. А от исповедника ничего не скроешь.

И жандармерия получит новые имена.

И не только имена. Тайные лаборатории. Данные об экспериментах... да мало ли, что вытянуть можно. Главное, займёт это их надолго.

На это ли папенька рассчитывал?

– К выставке, я думаю, всё будет окончено.

– Или все решат, что окончено.

Потому что, чую, не всё так однозначно ни с Бестюжиным, ни с папенькой.

– Возможно. Моё дело – проследить, чтобы вы до этой выставки дожили.

– Доживу... а вы идите, Николай Степанович.

Появилась у меня одна презанятная мыслишка. Она и заставила потянуться к теням.

– Савелий?

– Чуется мне, что этот Евгений меня навестит, – я откинулся на подушку и поёрзал. – Хотя бы для того, чтобы проверить, что я жив и вменяем.

А то ведь мало ли.

Такая интрига выстраивается, а пациент кони двинул. Сомневаюсь, что переход в тот мир столь уж безопасен. Это первое. И второе. С папенькой мы побеседовали, но Евгений не знает, чем беседа закончилась. И в целом, именно ему выпала высокая честь со мной контактировать.

А значит, самое время закрепить нашу с ним связь.

– Нет, – я покачал головой, видя как хмурится Николая. – Не стоит. Мало ли, какие у него способности... поэтому вы пойдёте к Татьяне, убедите её, что я жив и помирать не собираюсь. Скажете, что отправили меня в глубокий полезный сон. А сами... сводите её в ресторан, что ли?

– В ресторан?!

– Можно и в кондитерскую. В театр. На ярмарку, в конце концов! Николай Степанович, вы же взрослый человек. Жениться собрались. А даже я знаю, что иногда невест надо куда-то выводить.

– Сейчас?

– А когда? Когда мы мир спасём и заговор раскроем? Это ещё когда будет. Если вообще... и что, ей годы приглашения ждать?

– Савелий, – Николай Степанович поднялся и поглядел с укоризной. – Знаете... с одной стороны вы меня пристыдили, с другой, я осознаю, что вы сейчас просто пытаетесь убрать нас отсюда.

– Не без того, – толку отрицать очевидное. – Менталист не сунется, пока вы тут. Он знает о вас, о Татьяне... спокойно. К ней он не приближался.

Но вот недовольство помолвкой папенька высказал. И подозреваю, не оттого, что проникся любовью к дочери и желанием найти ей мужа получше.

И взгляд опять же, который она на себе ощущала.

– Просто сами посудите, – не люблю врать близким людям, но иногда приходится. – Если не уведете, то она сейчас придёт, сядет и не уйдёт до ночи или даже позже. А там я в гимназию вернусь.

– Это не самый удачный вариант.

– Наоборот. Я буду делать то, что велено. Но ему в гимназию соваться не с руки. Да и сам он за меня беспокоится. Вдруг да мозги повредились, пока я в отключке лежал? Так что полезет. И не надо, чтобы он с Татьяной сталкивался.

Если бы мог, он бы давно в гимназию попал. С его способностями что стоит внушить директору, что он новый преподаватель? А раз не внушил, значит, не всё с этими способностями ладно.

– Скажите, что отвлекаете её от грустных мыслей.

Николя усмехнулся и произнёс:

– Когда она узнает правду, оскорбится.

– Ладно... тогда скажите, что я просил, чтобы вы уехали. А уж в ресторан или куда – сами решайте. Но я серьёзно. Заговоры, террористы, прорывы – это, конечно, хорошо. Но вам бы в нормальной обстановке пообщаться.

Раз уж и жандармы заняты, и революционеры, и Философы.

А они наверняка заняты.

– Мне это не нравится, – Николя покачал головой. – Но, подозреваю, что если я попытаюсь вас ограничить, вы просто сбежите.

Не без того.

Была мыслишка.

– И хотелось бы думать, что вы знаете, что делаете.

Мне тоже хотелось бы.

– Вам нельзя напрягаться.

– Не буду.

– И вставать.

– Тоже не буду.

– И...

– И если вдруг почувствую опасность, позволю Тьме его сожрать.

Это Николая не успокоило.

Он снова меня осмотрел, ощупал, плеснул от щедрот силы, от которой по коже побежали мурашки. И со вздохом признал, что с медицинской точки зрения противопоказаний для беседы нет.

– Вы... Шуваловых пока не дёргайте, – тихо сказал я и почесал нос, в котором отчаянно свербело. Кажется, в организме образовался избыток целительской силы. – Я и вправду не собираюсь помирать, а вот книга, думаю, пригодится. Пусть проведут свой обряд...

И найдут треклятую.

А потом уже посмотрим, чья некромантия круче. Тем паче есть у меня на примете ещё один эксперт, правда, обращаться к нему, подозреваю, стоит в исключительном случае.

Я не ошибся.

Татьяна заглянула ко мне, вздохнула и сказала устало:

– Савелий, вот где тебя запереть, чтобы там было тихо и безопасно, а?

– Понятия не имею.

– Тимофей звонил, – она присела на край кровати и убрала прядку с моего лба.

– Как он?

– Насколько поняла, неплохо. Все живы. Как он выразился, большей частью целы и серьёзных травм нет. Будут через часа три-четыре.

– Тогда хорошо. Ну, что живы и что травм нет.

И что будут.

С Тимохой мне нужно поговорить. Обязательно.

– Может, дождёшься их? – она не уходила. И видно было, насколько бледным стало её лицо. Под глазами залегли глубокие тени. А черты вновь заострились.

– Нет, – я покачал головой. – Тогда не получится. Если он тебя сторониться, то при Тимохе точно не подойдёт. Тань, а ты Светочку давно видела?

– Светочку? – она задумалась и покачала головой. – Давно. Знаешь, очень давно. Боже, как некрасиво!

Татьяна прижала ладони к горящим щекам.

– Спокойно. Я тоже её давно не видел.

– Тебе простительно! А я... мы ведь подруги! И...

– И? Раздружились?

– Мы перезванивались. Она несколько раз в госпиталь приезжала. Когда могла. Рассказывала о проекте, который начала Шувалова, потом... потом она увлеклась. И времени у неё не стало совсем. У меня тоже. Да и неудобно это, постоянно просить, чтобы тебя отвозили или привозили. Понимаешь?

Понимаю.

Тут маленькая просьба. Там. И вот уже ты должен.

– Но мы созванивались. Иногда. А тут прорыв этот. Одно. Другое. Светочка сказала, что из-за прорыва школу пришлось временно закрыть. И её перевезли в поместье Шуваловых. Для безопасности. И там рядом Шуваловы открывают дом для сирот. Не такой, как везде...

Какие у нас, однако, разносторонние некроманты. И социально ответственные. Прямо гордость берет, однако.

– Там, как я поняла, несколько уровней. Классов. Почти как в гимназии, но программа проще. И в старших классах мастерству будут обучать, разному, но без порки там и другого. Искать способных. И она тоже учит. И следит, как всё делается, пока не директор... но школа большая. И как эксперимент. Если получится, то можно будет по образцу другие открывать. А при школе в перспективе и училище организуют, реальное. Вот.

Татьяна выдохнула.

– Я ей звонила, но она редко на месте. И перезванивать забывала. А потом уже госпитали открыли, и больные пошли, и стало совсем не до разговоров. И как-то... письма ещё отправляла. И от неё были, но... – Татьяна покачала головой. – Давно. Да, очень давно. И я сама... всё собиралась, собиралась. И надо было спросить. Выяснить. А я просто... заработалась. И она работает.

– И ты работаешь. Спокойно. Если Шувалов не объявил в розыск, значит, всё под контролем.

Сдаётся, пригребли некроманты нашу потенциальную святую, заманив если не в брачные узы, то в проектно-деловые. И главное, не знаешь, то ли злиться, то ли восхищаться хваткой.

Никакого насилия, никакого угнетения. Всё исключительно на добровольных началах.

– Да, но как-то неудобно получилось.

– Удобно. Она тоже ведь не звонила? И не писала.

– Нет. Обиделась, наверное.

– Светочка? Сдаётся, она в принципе не умеет обижаться. Скорее, действительно, увлеклась. Если проект и всё такое, то сама знаешь. Она легко загорается. А Шуваловы наверняка позаботились, чтобы Светочке было, кому добро причинять. Да и сама она... Тань, она из тех, кто всем рад, всем счастлив, готов облагодетельствовать весь мир и сразу, но отдельные люди... они не то, на что будут тратиться силы. Скорее она выберет тех, кого нужно спасти, помогать и прочее. А у тебя же всё хорошо.

– Ты жесток, – тихо произнесла Татьяна. – Мы были дружны.

– И остались. Думаю, если ты заглянешь к ней в гости, она искренне обрадуется. И чаю попьёт. И расскажет о своей школе, попытается и тебя привлечь, почему бы и нет. И тебя тоже выслушает. И советом поможет. Или не советом. Если попросишь, то не откажет.

Но как только Татьяна уйдёт, Светочка о ней не то чтобы вовсе забудет, нет. Скорее уж её вниманием завладеют другие люди и другие проблемы.

Встречал я таких.

Хорошие люди. Добрые. Надёжные в какой-то мере. Устоявшиеся.

– Возможно, ты и прав, – Татьяна тоже всё поняла. И, наверное, всегда понимала. Женщины такие вещи видят яснее.

– Буду рад, если не так. Она и вправду неплохая...

А подруг у Татьяны нет. И это тоже, как мне видится, неправильно.

И ещё... она ведь была нужна, Светочка. Настолько, что за ней приглядывали, тратили силы... и что? Вот так отпустят? Или... нужна была Философам? А папёнке не особо?

Почему я вообще о ней вспомнил-то? Не знаю. Какой-то выверт подсознания. Но спросить о ней Шуваловых стоит. И напомнить, чтобы приглядывали. А то как-то... будто зудит внутри что-то?

Особенно, пятки. Но эти – от избытка целительской силы.

– Ну да к лешему Светочку... – пятку о пятку я почесал.

– Савелий!

– Что? Я ж так, от души... ты вон лучше иди. И отдохни, наконец.

– Как я могу?!

– Обычно. Просто прогуляйтесь. Поговорите. О нормальном поговорите. Или не говорите, а там закатом полюбуйтесь. А то ведь так и жизнь пройдёт за спасением мира.

И ночь тоже.

А наутро в гимназию. Ну, я подозревал, что туда. Или не наутро, но когда-то всё одно надо будет вернуться.

– Хорошо. Я ненадолго, – Татьяна взъерошила мне волосы. – Ты постарайся только не умереть.

– Постараюсь, – искренне пообещал я. – А ты купи мне пряник. И Метельке.

– Какой?

– Какой-нибудь... ну, чтоб не зря ходила.

Она рассмеялась, правда, как-то печально, вымученно. И ушла. Метелька же остался. Он устроился на соседней кровати, там и заснул.

Резко так.

Вот сидел, бубнил что-то про сочинение, которое никак не складывалось, потому что быть купцом Метелька передумал, а кем вместо купца, чтоб прилично и не сильно много сил пришлось прикладывать, не знал. И вот замолчал, дёрнулся и откинулся на подушку, засопев ровно и глубоко.

Тьма встрепенулась.

Призрак повернулся к двери и, распушив перья на воротнике, издал низкий протяжный рык.

– Тише, – я свесил руку и коснулся его макушки. – Давайте-ка вы пока скроетесь.

Скрипнула дверь, отворяясь.

– Доброй ночи, – мягко произнёс Евгений, заглянув в палату. – Не помешаю?

– Да нет, – я ощутил, как истает Призрак. – Заходи. Поговорим.

Глава 5

В течение этой недели кроме обыкновенных балов состоится несколько костюмированных и великосветских спектаклей. Между прочим в спектакле устроенном графиней Толстой, будет исполнена великосветскими любителями оперетка, автор которой сам принадлежит к светскому обществу Петербурга.

В город и свет

Он сменил обличье.

Теперь я видел невысокого болезненного юношу, то ли студента, то ли мелкого чиновника, угодившего в наш госпиталь из бедности. И застиранный до серости халат дополнял картину.

– Звать тебя как, мозголом? – поинтересовался я, между прочим, в высшей степени вежливо. – По-настоящему.

– Евгений.

– В самом деле?

Он вошёл и притворил за собой дверь. Огляделся. Хмыкнул. А ведь держится он совсем не так, как подобает бедному студенту. Вон, и осанка иная, и взгляд. Так смотрят люди, уверенные в своём превосходстве.

Что ж, пускай. Не будем разочаровывать.

Пока не будем.

– Зачем тратить силы на мелочи? Выдумывать имя. Держать его в голове. Отзываться не сразу, рискуя этим зазором вызвать сомнения, – он поднял стул и придвинул к кровати. – Как ты себя чувствуешь?

И надо же, в голосе прозвучала вполне искренняя забота.

– Как человек, который чуть не сдох.

Евгений поморщился.

Ну да, а чего он ожидал? Вежливого ответа на вежливый вопрос? Чтоб как в светской гостиной? Но менталист построил скорбную рожу и кивнул:

– К сожалению, переход в надмирное пространство весьма сложен. Особенно первый...

– Особенно без подготовки и под действием зелья, которым ты меня накачал, – я выдержал его взгляд. А глаза у него серые, пустые, с таким стеклянным отливом. Как будто ненастоящие. Такие бы чучелу волка подошли или там медведя. Не человеку. Я чётко видел собственное в них отражение, а вот самого Евгения – нет. – У меня, между прочим, сердце остановилось.

– Это побочный эффект, – он скривился сильнее, кажется, раздражаясь от понимания, что именно он ошибся. – Я рассчитал дозу точно. Но иногда случаются неудачи.

Конечно.

А иногда такие, от которых можно и отъехать.

– Просто индивидуальная реакция организма. Предусмотреть невозможно. Но ты жив. И убедился, что я тебе не враг. У меня не было намерений навредить.

Говорю же, тут ни у кого таких нет. Тут, куда ни плюнь, все только с добром. А что это добро так и норовит поперек горла стать, это уже детали. Но спорить я не стал, махнул рукой и сказал:

– И вправду. Я жив. Вроде как цел. Даже отпустить завтра обещались. Но больше так не делай.

Евгений выдохнул, кажется, с облегчением.

– Не буду. Да и не понадобится. Самое сложное – проложить тропу. А когда она уже есть, то остаётся лишь пользоваться. Выйти на ту сторону можно будет усилием воли.

Вопрос, моей ли. Что-то, наверное, проклятье, подсказывало, что не только моей.

– Но я не думаю, что Василий станет рисковать своим сыном.

Я бы не был так уверен. Но всё одно кивнул. К чему спорить? Мы вот диалог выстраиваем. Пытаемся.

– Он бы и сейчас не стал, но ты же понимаешь, в каком он оказался положении. Ему нужно было поговорить с тобой. И сделать это в безопасном месте, в таком, где никто не помешает беседе и не подслушает.

Даже сам Евгений? Но скепсис я оставил при себе, кивнул и сказал:

– Понимаю.

А и вправду понимаю. Там, в межмирье, тихо и безлюдно. И вправду, никто не помешает, никто не подслушает. И деваться мне от собеседника тоже некуда.

Евгений снова осклабился.

– Я рад. Василий много о тебе рассказывал.

Ложь. Но звучит так искренне, что прямо хочется верить.

– Он сильно переживал, когда узнал, что ты исчез...

– А о других не переживал?

– Понимаю. Ты на него обижен. Даже где-то ревнуешь, – Евгений кивнул и рожу скроил участливую. – Он ведь так и не женился на твоей матери. И тебя не признал. К сожалению, обстоятельства его жизни не позволяли обзавестись настоящей семьёй. Но он всегда вспоминал о тебе с особым теплом. Другие его дети... Василий почти их и не знал.

А Савку, значит, знал?

Хотя, кажется, понимаю, к чему эта душевная беседа. Голос у Евгения вкрадчивый, такой ласковый и одновременно с этим тягучий, что мёд. Его хочется слушать.

И верить всему, что сказано.

Мозги правят?

А логично. Сперва папенька кнутом махнул, а теперь Женечка с пряником явился. Теоретическим. Или не совсем, чтобы пряником, но лишь обещанием его.

– Они принадлежали роду Громовых, а не ему. И воспитывали их именно в преданности роду. Василий не имел возможностей повлиять на процесс...

Поёт, как по писанному.

– Ты – другое дело. Он полюбил твою мать...

Слушаю.

Киваю. Только медовый голос этот уже не действует. Он ластится, обнимает, оседая на коже сладкой патокой. Но тени с радостью её тянут внутрь. Я же слушаю превнимательно и наблюдаю за менталистом, который от натуги побелел, а на лбу испарина проступила. Значит, эта песня ему дорого обходится.

– Ты его настоящий наследник. Не по праву рождения, но по духу, по силе. И когда он вернётся, Громовы обретут славу и силу, которой никогда прежде не обладали. И власть небывалую.

Рот приоткрыть.

Глаза в глаза вперить, в эти вот стеклянные, и смотреть внимательно, не моргая. Евгений прямо выдохнул с облегчением. И с новым энтузиазмом пошёл по ушам ездить.

Про папеньку рассказывать, страдавшего в разлуке.

Скитавшегося.

Разочаровавшегося во всём. Осознавшего, сколь многое для него значит семья. Про то, как он издали, не смея приблизиться, наблюдал за мной. Как гордится успехами и желает поскорей прижать к отеческой груди. Прямо ещё немного и разрыдаюсь от умиления.

И да, на слезу прилично так прошибает. Я даже носом шмыгнул, чтоб не разочаровывать человека-то. И Евгений с облегчением кивнул. Ага. Значит, это часть процесса внушения. Любовь к папеньке, точнее желание эту любовь заслужить.

А ведь с настоящим ребенком, тем более Савкой, могло бы и сработать.

К счастью, я не ребенок.

– Жрать? – деловито поинтересовалась Тьма, втянув липкую силу. И Призрак молча присоединился к просьбе. Менталист сидел рядом, такой близкий, доступный и сладкий в их понимании.

– Нет. Пока нет. Хотя... погоди. А ты можешь, допустим, не сразу его целиком, а вот тихонечко силу потянуть? Как это мелкие твари делают? Главное, незаметно.

Он и так вон умотался, а мы ещё больше умотаем. Пусть решит, что перенапрягся, со мной работая.

Тьма заворчала, но, кажется, согласилась. И тёмное облако тумана растеклось под ногами Евгения, обняло эти ноги и протянулось в штанины, спеша добраться до кожи.

Вот так.

Будет знать, как детей травить.

Кстати, а сегодня зелёного целительского марева вокруг фигуры не наблюдалось. И это тоже интересно.

– Слушай, – я воспользовался паузой – Евгений, кажется, устал трепаться, и сел. – А как ты это делаешь?

– Что именно?

– Внушение. В прошлый раз я видел в тебе целителя. Теперь ты скорее больной... вон, белый весь.

Интересно, кстати, это его истинный облик или как?

– Умения, Савелий, – он приосанился. – Тренировки и способность чувствовать других людей. Не обязательно внушать картинку, как это проповедуют классические учебники. Нет. Это тяжело, затратно и высок риск, что картинка вызовет у объекта отторжение. Всегда можно действовать проще. К примеру, задать разуму нужное направление, так, чтобы он сам увидел желаемое.

– Халат? Халаты носят целители.

– Именно! Василий говорил, что ты умён! И я вижу, что он был прав. Если надеть халат, то люди увидят целителя. В головах многих именно целители носят халаты. И мне останется лишь внушить, что это знакомый им целитель. А дальше они сами всё сделают. Никакого принуждения.

А сила?

Я ведь и марево силы видел. Спросить? Или нет, пожалуй, не стоит. Чем меньше эта заразина обо мне знает, тем сложнее ему воздействовать. Скорее всего, та же игра разума. Я знал, что целители зелёным светятся, вот и увидел, что хотел.

Евгений же растянул губы в улыбке.

– Я рад, что мы достигли взаимопонимания. И что ты согласился нам помочь...

– Ага, – я демонстративно потёр грудь. – согласишься тут... с проклятьем-то. Между прочим, если он меня любит, то зачем проклятье?!

Прозвучало именно так, как должно – с немалой обидой в голосе. Очень даже искренней, потому что это обидно, когда твой папенька – редкостный мудака.

– К сожалению, пережитые невзгоды сделали моего друга недоверчивым, – Евгений развёл руками. – Он ведь не знал, как ты отнесёшься к встрече. И даже если бы согласился, то без маяка переступить черту не выйдет.

А вот теперь врёт.

Я это понял чётко. Тьма? С силой я получал... что? Знание? Иммуни́тет к воздействию? И силу, само собой. Прикольно. Это ж так, если не с любым дарником – думаю, у тех, кто поопытней имеются свои секреты – то с некоторыми можно.

Вытягивать силу.

Ну и в целом-то...

Нет, жрать людей нехорошо, но некоторые, чего уж греха таить, прямо напрашиваются.

– Поэтому пришлось вот так... – тон Евгения стал извиняющимся. – Но я рад, что у вас всё хорошо.

То есть с папенькой он или не успел пообщаться, или тот просто-напросто не стал рассказывать, что я должным благоговением к родителю не проникся.

Или рассчитываю это благоговение внушить?

Интересно.

Очень.

– Так что тебе не о чем беспокоиться.

– А проклятье...

– Маяк.

И поток силы увеличился. Это он воздействует? Похоже на то. Тьма проглотила её с удовольствием. Кажется, менталист ей нравился.

– Это просто маяк. Чтобы твой отец смог до тебя дотянуться.

Очень успокаивает.

– Вдруг ему понадобится помощь? Или он захочет встретиться. Или ты захочешь.

– То есть я смогу позвать его?

Секундное замешательство дало мне ответ. Правдивый.

– Позвать – да, но... он не всегда имеет возможность откликнуться. Ты же понимаешь, что такой человек, как твой отец, может быть занят...

– Какой? – вклинился я с вопросом. Притомили, говоря по правде, дифирамбы.

– Великий, – Евгений произнёс это с придыханием. – Гениальный! Я читал его труд! Это... это не просто новое слово! Он изменит всё, что мы знаем о мире! О мироздании! Он даст новую основу! Новой науке...

Той, где в расход идут люди?

– Ты ещё мал и не понимаешь всей важности его открытий!

Понимаю.

В науках я не разбираюсь, а вот в людях так и неплохо.

– Однако, когда его имя впишут в скрижали вечности, ты будешь гордиться. Ты уже гордишься, – стеклянные глаза Евгения поймали мой взгляд. И моё отражение в них поплыло.

Я сам поплыл.

Пространство вокруг дрогнуло, исчезли точки опоры. Верх. Низ. И стороны. Всё исчезло, кроме этих выпуклых стеклянных глаз.

– Ты гордишься своим отцом. Ты любишь своего отца. Сильно. Сильнее, чем кого бы то ни было. Ты сделаешь всё, чтобы заслужить его любовь.

Эти слова в изменившемся мире проникали сквозь кожу. И та зачесалась. А в голове заныло. Это уже не липкая патока. Это что-то гораздо серьёзней.

Опасней.

– Сейчас ты уснёшь, – ледяные пальцы коснулись лба. – А когда проснёшься, будешь помнить наш разговор. Я друг. Отец друг. Остальные враги. Они тебе завидуют.

– Жрать? – осведомилась Тьма с робкой надеждой. И я выдохнул.

– Немного. Убери эту погань.

Она радостно втянула силу, которую вливали в меня, и даже от щедрот душевных поделилась с Призраком, который обиженно крякнул. Он тоже хотел кусок вкусного менталиста.

Давление ослабло.

И я выдохнул.

– Спи... ты должен спать...

Ну должен, так должен. Что я, со специалистом спорить стану? И я послушно растянулся на кровати, пытаюсь уловить, чего же от меня хотят. Стараются вон человек.

Ага.

Глаза закрыть.

Веки слипаются. Слипаются веки. Расслабленность. Нет, если б ещё во сне мозги не промывали, было бы просто замечательно.

Рядом завозился Метелька, что заставило Евгения занервничать.

– Спи, – приказ стал резким, и давление резко возросло.

Я и уснул.

Ну, попросил Тьму чуть прибаюкать, но так, чтобы не совсем уж в сон, чтобы то самое оцепенение на краю. И сквозь него я отчётливо слышал бормотание:

– Я друг. Слушай меня. Верь мне. Верь только мне. Остальные врут. Используют. Они тебя не ценят. Они тебя презирают. Втайне. Они смеются над тобой. Только я друг. Только я говорю правду.

Вот... с-скотина. По другому и не скажешь.

– Вкусно, – возразила Тьма.

А Евгений запнулся, сбился и руку убрал.

– Ч-чтоб... т-тебя, – произнёс он с запинкой. Ага, давление ослабло. Остатки чужой силы вытянули тени. И я осторожно выпустил Тьму. Пусть приглядит за этим героем.

Евгений несколько минут просто сидел, чуть покачиваясь вперёд-назад. Он поднял руку, поглядел на пальцы, которые мелко и часто подрагивали. И нос пощупал.

Зря.

Шмыгнул, пытаюсь удержать яркую каплю. Но она всё одно упала на постель.

– Чтоб вас всех... – добавил он хриплым, надсаженным голосом и поднялся.

И обличье сползло с него отлившей шкурой.

Точнее...

Даже не обличье? Маска? Что-то иное, меняющее черты, но не радикально. Он остался бледным и худым до измождённости. Ввалившиеся щёки, острые черты. Глаза запали глубоко, а из кривого, явно ломаного носа выкатилась новая капля крови.

– Т-треклятые... ох-хотники, – он и шёл-то медленно, двигаясь как человек, который опасается, что любое резкое движение причинит боль.

– Хватит, – я одёрнул Тьму, которая не спешила отпустить жертву.

Сдаётся, что тут до покойника недолго осталось.

А нам оно надо?

Нам оно не надо.

– Просто пригляди. И послушай.

Вот что-то мне подсказывает, он сейчас отчитываться пойдёт.

Глава 6

Первого числа сего месяца члены московской монархической партии встречали Царский портрет – дар Государя монархическим союзам Москвы. На курский вокзал, куда прибыл портрет, собрались представители монархических союзов. Портрет доставлен был протоиереем И.И.Восторговым. Портрет представляет собой бюст Государя в лейб-гусарской форме; заключен он в богатую золоченную раму. В Благородном собрании, куда портрет был перевезен, епископ Анастасий совершил молебствие.

Голос Москвы

В коридоре Евгений просто прижался к стене да так и стоял, закрыв глаза и пытаясь отдышаться. И это длилось, длилось.

Но вот он всё-таки сделал шаг.

Второй.

На третьем расправил плечи. И двинулся вниз, к телефону.

– Уйди, – коротко бросил он медицинской сестре, что поднялась навстречу, явно желая узнать, отчего это пациенту не спится. И та тотчас развернулась, бодрым шагом направилась прочь. Выражение лица у неё было несколько растерянным, но вот женщина нахмурилась и ускорила шаг, явно подобрав подходящее объяснение. Евгений же, подвинув к себе телефон, поднял трубку. Диск он поворачивал быстро и нервно, явно с трудом сдерживая раздражение. Номер мы с Тенью запомнили.

Так, на всякий случай.

Хотя я и попросил слишком уж близко не соваться. Гудки мы слушали оба, и Евгений нетерпеливо притоптывал. Но вот встрепенулся и произнёс:

– Это я. Он там? Ждёт? Как вообще... ясно.

Я подумал, не подвести ли Тьму ближе, чтобы послушать и ту сторону. Но не рискнул.

Вдруг да почует.

Или, что тоже возможно, связь оборвётся. С техникой тени не дружат.

– Да. Я. Всё. Сделал, как договаривались. Нет. Жив. Цел. Была небольшая неприятность, но преодолели. Нет. Я точно рассчитал дозу! Индивидуальная реакция. Такое не предугадаешь. Но говорю, что всё в порядке. Спит сейчас. Первичные установки заложил. Надо будет повторить для надёжности, потому что туго очень шло. Он сильный, Вась. По ощущениям – полноценный дарник. Нет, я справился... говорю же, справился!

Он позволил себе повысить голос.

– Да, я уверен... абсолютно! Да... уровень приличный, но ведь он всё-таки ребенок. А детская психика куда более восприимчива к воздействию. Это со взрослым не рискнул бы, – он смахнул дрожащей рукой пот со лба и переносицу потрогал. – Так что извини, но если мелкий такой, то к твоим старшим я не полезу... тем более твари почуют. Нет, Вась, мне не кажется.

Он запрокинул голову и, вытащив из кармана мятую тряпку, прижал к носу. А хорошо его задело.

– Даже сегодня было такое чувство, что где-то рядом...

То есть я правильно не позволил Тьме приближаться.

– Ладно... мне пара дней отойти и повторим. Если понадобится – подкорректируем.

Он мял тряпку, перекладывая её от ноздри к ноздре.

– Через недельку-другую парень будет считать меня лучшим другом... да что там лучшим – единственным. А тебя – обожаемым папочкой... и нет, быстрее не получится. Если, конечно, он тебе вменяемым нужен. Да ладно, не ворчи...

А ведь этот с папенькой не просто дружен. *Близок. Пожалуй, ближе, чем кто бы то ни было.*

– Установки мало просто засунуть в голову. Они должны стать частью личности, только тогда всё будет работать, как надо. А на это требуется время. И спешить нельзя... да, я понимаю, что в обрез, но к выставке точно успеем. Он сделает всё, как надо. Обещаю.

Вот никогда не понимал людей, которые дают обещания за других.

– Ты сам как? Уверен... может... Вась, я понимаю, но... ладно. Молчу. По второму вопросу пока без сдвигов. Его только-только привезли. Нет, пока не видел. Флигель охраняют. Нет, Вась, я туда не сунусь. Думал, но...

Он убрал тряпицу, на которой остались бурые пятна. И поморщился.

– Охрана слишком плотная. Одного-двоих я бы ещё смог взять, но не десяток. А они опытные. Не просто стоят, приглядывают друг за другом, поэтому и заметят странное. Надо время, чтобы понять, где там дыры. Да ладно, не нервничай. Сейчас им всё одно заниматься не будут. Всё сработало, как должно. Николашка с твоим парнем разговаривал, а потом отзванивался... кому? Сам догадайся. Нет, к Николаше я тоже не полезу, иначе давно бы уже мозги поправил...

И сказано это было с тихой такой выдержанной злостью.

И лицо прям перекосило.

– Завтра будет понятно, что да как... главное, чтобы старик не подвёл. Да... ладно, время. А насчёт Лютера не волнуйся. День-два, неделя от силы и найду лазейку. Кто-то же ему еду носить будет. Или готовить. Или ещё что... вот именно.

Тряпку он убрал в карман больничного халата.

– Я вообще не понимаю, чего ты так засуетился. От него никогда толку не было, да и... столько лет овощем. Смысл? Ладно-ладно. Не спорю. Ты у нас самый умный, – и при этих словах Евгений криво усмехнулся. – Если говоришь, что надо, то надо. Всё. Уходи. Связь по объявлению. Жду приветов через три дня...

То есть номер можно было и не подглядывать, всё одно сменят.

Очень интересно, что за объявление и где его искать.

– Чтоб вас всех... – проворчал Евгений, ощупав переносицу. – Громовы, мать же ж вашу... как вы мне надоели...

Можно подумать, мы напрашивались.

– Ладно... – он огляделся, наклонился, вытащил откуда-то из-под телефона записную книжку, пролистал и вернул на место. – И куда эта дура ушла? Что за люди... одни дубовые, другие с мозгами нараспашку. Где её теперь искать-то?

Евгений помассировал виски. Потом подошёл к шкафу с лекарствами, правда, тот был заперт. Подёргав дверцы, Евгений скривился пуще прежнего и, матюкнувшись, отступил.

– Когда ж это всё закончится... – он сторбился, и фигура вновь изменилась. – Кто бы знал, как это мне всё надоело...

А ведь интересная привычка – говорить вслух. Характерная такая.

Он шёл и ворчал.

На погоду.

На пустоту. На бардак, который по его мнению царил вокруг. И в каждое слово вкладывал раздражение. Искреннее такое.

И уже добравшись до палаты, остановился. Осмотрелся. Вздыхнул.

– Я тут сам свихнусь.

Палата была полупустой. Правда, кто-то в дальнем углу стонал, кто-то молился во весь голос.

– Заткнулись! – рявкнул Евгений. И Тьма уловила вспышку силы, что прокатилась по палате. Голоса смолкли. – Уроды... кругом одни уроды.

Ну не кругом, однако соглашусь, что встречаются они довольно часто.

И один вот лёг на кровать, снова скривился, когда та закрипела.

– Чтоб вы все сдохли...

М-да, а я же знал, что высокие идеи до добра не доводят. Но чтоб настолько?!

Разбудила меня Тьма.

Я вроде и не хотел спать. Нет, не то чтобы не хотел. Честно, было жутковато. Вроде и понимал, что весь этот шепоток для меня остался лишь шепотком, но в то же время не отпускала мыслишка, что... ну, а вдруг?

Вдруг Тьма вытянула не всю силу?

Вдруг менталист сумел пробраться в голову и сунул в неё пару поганных своих мыслишек?

Вдруг, пока я бодрствую, эти мыслишки держатся где-то там, в стороне. А стоит уснуть, и они, что червяки, проберутся в мозг да и обживутся в нём? И проснусь я уже другим. Подозрительным, уверенным, что люблю Василия Громова, а он меня...

Но всё-таки уснул.

А Тьму оставил наблюдать за Евгением. На случай, если он ещё решит прогуляться или позвонить кому. Она разбудила меня рывком. Спросонья я даже не понял, что случилось. А потом ощутил присутствие другой тени.

Буча!

И значит, Тимоха вернулся.

И Мишка.

Еремей...

Я сел в кровати и прислушался к себе. Нет, кажется, пронесло. Любви к папеньке у меня не прибавилось. Слава те... в общем, кому-нибудь да слава.

– Сав, ты чего? – Метелька сел в кровати. – Блин горелый! Я что, заснул?!

– Ага.

– Когда?

– Давно уже. Это тебя наука укатала.

И один урод, который по-прежнему спит в своей кровати. Ручки под щеку сложил, одеяло натянул и посапывает. Из-под одеяла нога только торчит.

– Тьма, а можешь передать Буче, что я с Тимохой поговорить хочу? Только как-нибудь так, чтобы этот не сунулся.

– Жрать! – Тьма совершенно точно знала верный способ, как избавиться от лишних ушей.

Радикально.

– Нет. Пока нельзя.

Потому что Евгений совершенно точно знает, если не где прячется папенька – этого он как раз и не знает – то как с ним связаться. А значит, нужен.

Пока.

– Но вот слегка поработать можно... сумеешь повторить фокус? Силы потянуть, но незаметно.

Пусть и дальше болеет.

Завтра спишет на перенапряжение, усталость. А там ещё что-нибудь придумаем.

Буча возникла перед Тьмой.

А ведь она прилично так выросла и расти продолжала, явно не собираясь останавливаться.

– Ш-ша... – её дыхание окутало Тьму облаком силы. И Призрак обиженно заскулил, хотя и ему досталось. Не знаю, как они это делают, но вот он тут.

И уже там.

И ворчит, тычется мордой в морду, норовя клювом потереться. А Буча снова выдыхает и ласково так наступает на хвост лапой. А Призрак этот хвост вытаскивает и свистит обиженно.

Ну, она живая.

И все живые.

И это хорошо.

В какой-то момент из-за спины выглядывает нечто кругломордое и большеглазое, с растопыренными ушами...

И Мишка тут.

Хорошо.

Они мне оба нужны.

– Тьма, скажи, что оба нужны. Дело важное...

И хорошо бы проговорить до возвращения Татьяны. Не знаю, где её Николя выгуливает, но лучше бы, чтоб прогулка продолжилась ещё часик-другой.

От Тимохи пахло порохом и кровью. Мишка тоже был грязен, но с виду цел, хотя под глазом и наливался нарядной синевой фингал.

– Чтоб... Сав, надеюсь, это важно, а то мне бы кого найти... – он потрогал заплывший глаз. – Пока Татьяна не увидела. Неудобно...

– Даже если не увидит, всё одно донесут.

– На словах – это не то, – сказал Мишка и щёку потрогал. – Зуб ещё шатается...

– Нечего было подставляться, – Тимоха кивнул Метельке, который сидел на кровати и широко зевал.

– Еремей? – я понял, что спрашиваю с опаской, потому что ответ может быть разным.

– Спит, – Тимоха не стал тянуть. – Переломы. Ушибы. Ничего критичного. Его собирались передать живым, но...

Не передали.

Не успели.

– Кто?

– Уже не так важно, – Мишка снова потрогал щёку. – Точнее, ими занимается жандармерия. Хотя тот, кто знает заказчика, к сожалению...

И поморщился.

– И бить надо аккуратней, – Тимоха покачал головой. – Штатный целитель отправил Еремея в сон. Возраст всё-таки. Раны, хоть не серьёзные, но болезненные. Завтра очнётся и сам всё расскажет.

И хорошо.

Главное, что очнётся.

– И я скажу, потому что это не дело, вот так... самому, втихаря, – это прозвучало многообещающе. – Ладно, ты, но он-то должен был понимать, чем оно может обернуться.

И на меня поглядел, будто это я виноват. А я не виноват и близко.

– Но это мы с ним потом обсудим. А пока ты давай, говори, что у вас тут стряслось, – а Тимоха ведь устал. И не только физически. Он ведь пока привыкает ко всему, а привыкнуть не так и просто.

И я вот ещё... с новостями.

– Случилось, – я поглядел на Метельку и тихо произнёс. – Тане ни слова. Это... в общем, я с папенькой тут встретился.

Мишкина рука замерла.

Тимоха прищурился.

А Метелька сказал:

– Он же ж помер!

– Как оказывается, не совсем. Тут... в общем, если вкратце, то...

Рассказывать было сложно, хотя никто не пытался перебивать. Напротив. Слушали молча. Сосредоточенно. И только Мишкина щека оттопыривалась, потому как он всё время трогал шатавшийся зуб.

– Как-то вот так, – сказал я. – Он жив, это точно. Он где-то прячется, это тоже точно. Он болен... это не точно, но скорее всего. Ощущение сложилось. А ещё он как-то скрывается не только от Философов, но и от Моры. Подозреваю, дело в том мире, который изнанка. Если он побывал там физически, это могло изменить не только душу, но и тело.

– И вызвать болезнь, – договорил Тимоха и выпрямился. Он сжал руку в кулак и разжал. – Значит, я из-за него там... тогда.

– Из-за него, – согласился я. – Ты, Тим, извини, но ты порядочный. И тогда, может, не слишком отца любил, но если бы он попросил о помощи, не отказал бы?

– Нет.

Вот и я о том.

Тайная встреча. Старая фабрика. Тихое место. Менталист, который набрасывает очередную маску. Укол или проклятье... если сделали раз, то могли и второй. Точнее тогда первый, а уже со мной второй. Но в прошлый раз у них не получилось. Можно гадать почему.

Возраст?

Или само проклятье было не таким, как нужно? Или ещё проклятья не было? А может, Буча помешала? Или наоборот, она вытянула Тимоху? Позволила ему выжить?

– Это было раньше, – сказал я, глядя на Тимоху. – Важно то, что будет сейчас. Он хочет вернуться. Более того, он уверен, что станет главой рода. Это возможно?

– Боюсь, что при определённых условиях, вполне. Правда, прецеденты единичные...

– Но были, – прервал я Мишку. – То есть его притязания реальны... в теории. Исключительно. Он старше Тимофея. Опытней. К тому же репутация... если он заявит, что ты был не в себе, Тим, то это станет серьёзным аргументом.

А папеньке не впервой теорию в практику преобразовывать.

– И следующий вопрос. Тим, ты ведь не собираешься... уступать ему?

И как-то прямо не по себе стало от этого молчания.

– Нет, – произнёс Тимофей сухо и спокойно. – Этот человек утратил право на имя.

И на жизнь.

И вообще всякие остальные тоже.

Но хорошо. Думай Тимоха иначе, пришлось бы сложнее.

– Я говорил с Татьяной... её помолвка затягивается, точнее о ней даже объявление сделать нельзя, пока Громовы мертвы. Собирался подавать прошение. Пора начинать процесс, но... я предложил ей сменить отчество. Дедово взять. Так будет правильно.

И взгляд у него тяжёлый.

Настороженный.

– Согласен, – я кивнул и задумался. А ведь отличный повод. – Тим... смотри, там я на него нападать не рискнул.

– И правильно. Незнакомое место. Неизвестный противник. Это слишком опасно. Кроме того, даже если бы тебе удалось его одолеть, то его смерть могла бы запечатать проход.

Вот примерно о том я и подумал.

– Да и обязательства у меня имеются перед... некоторыми личностями. В общем, брать его надо здесь. А для этого – вытянуть его на разговор в реальности. Устроить встречу любящего сына и папеньки, который соскучился. Через менталиста.

Тимоха скривился.

Мысль ему категорически не понравилась.

– Его бы допросить. Но допрашивать менталиста сложно.

– Синод пришлёт исповедника, – тихо произнёс Мишка. – И тот вывернет этого мозголома наизнанку, но...

– О том, что узнают, нам не скажут.

– Именно.

И доберутся ли до папеньки – большой вопрос.

– Вот поэтому я и его не трогал. А ещё проклятье... – я потёр грудь. – Не уверен, что оно на отца завязано. Вдруг да этот тоже может воспользоваться?

А большой вопрос, сумеет ли Синод правильно оценить риски. И станет ли вообще оценивать. Может, решит, что отдельно взятый менталист им важнее какого-то там пацана.

Не говоря уже о том, что вряд ли Евгений знает, где папенька прячется.

Связь через объявления – это... это конспирация.

– Сав, – Тимоха поглядел на Мишку, который продолжал ощупывать заплывший глаз. – Ты понимаешь, насколько это опасно? А если он действительно влезет тебе в голову? Если внушит, что...

– Что вы враги и завистники? Что только он меня понимает и ещё папочка?

Метелька фыркнул.

– Пупок развяжется. В ближайшие дни ему будет не до того. Большей частью, но...

План вырисовывался.

Кривоватый такой, но уж какой есть.

И смена отчества – отличный повод убедить Евгения, что всё в порядке. Что его установки работают.

– Только, – я щёлкнул Призрака по раззявленному клюву. – Надо что-то с Татьяной придумать... как-то объяснить, но...

– Рассказать всё, – Тимоха погладил Бучу, что свернулась у ног.

– А она... ну... одно дело, когда папенька умер. И совсем другое, когда он жив и хочет вернуться.

– Именно поэтому и рассказать.

Буча вытянула морду и приоткрыла пасть. Длинную морду её украшали усы, которые шевелились.

– А если она решит, что... что он имеет право? Вернуться там. Распоряжаться. Он, к слову, приказал помолвку разорвать. Как я понял, собирается Татьяну этому менталисту отдать.

Пасть Бучи захлопнулась, и чешуя на загривке встала дыбом, а из горла донёсся тихий угрожающий рокот. Кажется, кто-то категорически не был согласен с гениальной идеей.

– Поэтому и надо рассказать, – Тимохины пальцы скользнули по чешуе, серо-дымчатой с зеленоватым отливом. – Она имеет право знать.

Не знаю.

Как-то оно...

– Савелий, а если завтра она всё равно узнает? – спросил Мишка очень тихо. – И не от нас? А от какого-нибудь друга? Причём выставят так, что мы в её глазах станем лжецами? Я не говорю уже о воздействии...

– Воздействовать он не сможет, – я потянулся к Тьме, которая удобно расположилась под кроватью Евгения. Сдаётся, он не только не сможет воздействовать, он и встанет-то с трудом. – Не думаю, что у папеньки имеется запасной менталист.

– Воздействовать можно и без менталиста. Особенно, если подорвать доверие, – Тимоха уже принял решение. – А она нам нужна. Правда, ругаться будет...

Глава 7

В особенности большую пользу могла бы приносить фотография в осмотрах по делам об убийствах, виновные в которых еще не известны: здесь каждая мелочь имеет значение, а между тем часто при осмотре довольно трудно угадать, на какие именно мелочи следует обратить преимущественное внимание; фотография передаст все без упущений. Притом, как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был ясно, последовательно, картинно и даже художественно изложен, описание никогда не может дать такого наглядного представления, как фотография.

«Практическое руководство для судебных следователей»²

Сестрица и вправду ругалась.

Матом.

Что сказать, истинные леди даже матерятся интеллигентно. И недолго. Потому что выругавшись, она выдохнула и жёстко произнесла:

– Нет. Он не может вернуться.

И добавила, словно пытаясь убедить себя:

– Не может. Просто вот взять и вернуться! И решать, что мне делать. Как он... почему...

– Тихо, – Тимоха надавил на плечи, заставив присесть. Посмотрел на Николая, который выглядел растерянным, но при этом сосредоточенным. Как человек, который мысленно перебирает способы решения проблемы. А поскольку вопрос затрагивал и его интересы, то мы решили, что ещё одна голова точно не будет лишней.

Мне, правда, было слегка неловко. Ну, за то, что сразу не рассказал, с кем встречался. Но, думаю, Николя поймёт.

– Решать, что нам делать, отец действительно не может. И вернуться. Ты же ему не сказал?

– О чём?

– Что мы заключили новый договор? С... Госпожой.

Тимоха произнёс это тихо. А я понял, что и вправду не сказал:

– Из головы как-то вылетело. И вообще, чем меньше он знает... кстати, с ней он, думаю, тоже рассчитывает договориться, но я пока не понимаю как.

Не взятку же предложит.

Или взятку?

Что вообще можно предложить богине... не что.

Кого.

Кого-то, кто её нужен сильнее, чем беглый Василий Громов.

– Тим, – я встал. – Нам надо ехать. К этому... к Бестюжину.

Если ещё не поздно.

Или уже...

Поздно.

Сколько времени прошло, пока я там в подвале валялся? А потом? Пока с Николая говорил. С Евгением этим. С...

– Тим, ты со мной. Миша... Тань, присмотришь за менталистом? Пусть спит. Тьма из него прилично сил выпила. Проспать в теории должен долго. И завтра проснётся не совсем здоровым.

² П.В. Макалинский, «Практическое руководство для судебных следователей», 1901

– Совсем нездоровым, – поправил меня Николя и как-то так, что прямо не по себе стало. – Это госпиталь. Здесь всякое случается. Говорят, что в таких местах особенно легко подцепить заразу.

Ну да.

А уж когда руки тянешь к невесте главного целителя, так оно почти и неизбежно.

– Однако, – продолжил он тоном в высшей степени спокойным, – спешить вам некуда. После беседы с вами, Савелий, я связался с Алексеем Михайловичем. И узнал, что к преогромному огорчению последнего Игнат Илларионович Бестюжин скончался.

И почему я не удивлён?

Даже обидно как-то.

– Когда?

– Пока не скажу. Собственно, именно поэтому я и вернулся. Возникли некоторые вопросы... и не только относительно времени. Причину смерти тоже предстоит установить. Его везут сюда.

– Допрашивать?

– Боюсь, в том состоянии, в котором пребывает тело, сделать это будет затруднительно.

Прямо заинтриговали.

– А я... можно? Тоже? В смысле, побуду? На вскрытии? – я даже руку поднял. – Просто посмотрю?!

– Савелий!

– Думаю, вреда не будет. К тому же, как показывает практика, порой ваше присутствие приносит несомненную пользу.

Это меня, похоже, похвалили?

Точно похвалили.

– Однако предупреждаю, что зрелище не самое приятное...

Мёртвое воплощение зла не впечатляло.

Точнее как сказать. Впечатляло, но не злом, а в целом... ну, топор, который по самый обух в череп вогнали, он всегда впечатляет. Этот топор до сих пор торчал из головы.

А из соседней глазницы – штырь.

И сдаётся мне, это всё не случайность.

– По-моему, кто-то очень не хотел, чтобы некроманты допрашивали Бестюжина, – заметил Мишка, глаз которого приоткрылся, а синяк вокруг приобрел приятный зеленоватый оттенок. – Ну не похоже это на случайность.

– Топор в голове – это действительно не похоже на случайность, – согласился Тимоха, разглядывая покойника.

И я поглядел.

И Метелька тоже. Он заявил, что выпался на год вперёд и один в палате точно не останется. Я подумал, что оно и вправду, когда вместе, тогда спокойней.

– Посмотрите, – Николай Степанович аккуратно повернул голову влево, продемонстрировав дыру в виске. – Я склонен согласиться. Кто-то проявил изрядную настойчивость, хотя... всё равно не понятно.

А сам покойный выглядел именно так, как должен выглядеть почтенный профессор. Седовлас, с аккуратной бородкой. Черты лица правильные. Он когда-то и красив был, да и сейчас тоже... нет, красивым его не назовёшь, но импозантным – вполне.

Кажется, это так правильно.

– Что именно не понятно? – я вытянул шею. По мне всё было понятно. Кто-то сильно постарался.

– Раны нанесли уже после смерти... Тимофей, вы не могли бы вытащить? – Николя указал на топор. – Только как можно аккуратней. Хотя нет, погодите. Его надо раздеть.

На профессоре был костюм светло-серого оттенка.

Штилеты блестели. Из нагрудного кармана свисала тонкая цепочка часов. На пальце поблескивал перстень. И вообще, если бы не топор в голове, покойный выглядел бы на диво прилично.

– Погодите, – я удержал за рукав Мишку, который сунулся к покойнику. – Его бы сфотографировать. Ну и в целом, чтобы каждый этап. А то вдруг упустим что-то важное?

Нет, я не рвусь в специалисты, но в кино всегда и всё фиксируют. Тут же вон и за топор норовят схватиться голыми руками, наплевав на возможные отпечатки.³

– Пожалуй, мысль здравая, – Николя отступил.

А Мишка кивнул.

– Пойду. Может, у тех, кто его привёз, аппарат имеется.

– И это... – я проводил Мишку взглядом, перевёл на Тимоху. – Как-то... ну, не надо его руками трогать, что ли?

– А как? – удивился Николя.

– Перчатки. Потому что... вот мне проклятье прислали. На бумажке. А он ведь не бумажка. И как знать, чего они могли прицепить. К одежде там или под неё. Полезете раздевать, а под жилеткой бомба...

Николя отступил от стола и тоже поглядел на Тимоху.

– Не бомба, конечно, но да, Савелий прав, сюрпризы возможны, – произнёс тот. – Пусть сперва тени посмотрят.

Буча накрыла покойного мягким одеялом, расползлась, подгребая под себя тело, и откатилась, вернулась к хозяину.

– Заклятий нет. Проклятий нет. Силы посторонней нет, – произнёс Тимоха. И тут же добавил. – Во всяком случае такой, которая была бы ей знакома. Поэтому всё одно следует соблюдать аккуратность.

И инструкцию.

То есть сперва написать, подбросить Карпу Евстратовичу идею, чтоб место преступления и подозрительных покойников по инструкции осматривали, а потом заставить её соблюдать.

В общем, знаю, что нужно внедрять прогресс, но, похоже, мой будет только в бюрократизме.

– Вот, – Мишка вернулся с неприметным парнем, с плеча которого свисал довольно объёмный футляр. – Только пластин осталось немного, поэтому...

Я отступил к стене.

Тьму дёрнул, которая у стола крутилась, но тоже ничего-то эдакого не чуяла.

– Что именно вам показалось странным, Николай Степанович? – переспросил я, благо, Николя встал рядом, чтобы не мешать работе специалистов.

Техника была... своеобразной.

Почему-то в памяти всплыл старый фотоаппарат, который держали чьи-то руки, хоть убей, не помню, чьи именно. Но они поворачивали его, что-то нажимали, щёлкали. И кажется, голос тоже был.

Чей?

Руки мужские. Старые... сосед? Какой-то дальний родственник матушки?

³ В нашей реальности отпечатки пальцев как доказательство в суде были впервые использованы в 1902 г в Великобритании. Метод начинает распространяться, получает популярность, но как часть доказательной базы официально он закрепляется только в 1922 г в СССР.

Какая разница? Просто вот вспомнилось. И нынешний аппарат на тот, из моей памяти, вовсе даже не похож. Он громоздкий, неудобный и с виду тяжёлый.

– Станным? – Николя отвлёкся на меня.

– Вы сказали, что не понятно, – пояснил Метелька. – А чего не понятно, когда всё понятно. Ему в башку топор всадили. Он и помер.

– Вывод очевидный, – Николай Степанович наблюдал за тем, как Мишка и Тимоха раздевают покойника. – Однако в корне неверный.

– Почему?! Топор же ж вон, торчит! – Метелька и рукой указал. Топор и вправду торчал. Его решили убрать уже позже.

– Его всадили уже после смерти. Причём спустя некоторое время.

– Но...

– Кровь, – я понял, о чём он. – Крови нет. Значит, он сперва умер, а потом кто-то вогнал в башку топор, пробил глаз штырём и проломил череп. Зачем?

– Николай, тут ещё... – Мишка махнул рукой, подзывая целителя. И я тоже приблизился. Ещё одна рана.

Пулевая с виду, аккуратное такое отверстие с потемневшими краями.

– Стреляли с близкого расстояния. Приподними, – Николя не стал трогать покойного. – Да, выходного отверстия нет, значит, пуля внутри. Достану, можно будет сказать больше, но пока с виду что-то маленькое, может, дамский револьвер? Но опять же... крови нет. Рубашка!

Мишка послушно приподнял полу.

– И дырки нет, – заметил Николай Степанович.

– Как это? – Метелька высунулся из-за моего плеча. – Его что, из-под рубашкиной полы стрельнули?

– Нет, – у меня картина более-менее сложилась. – Его сперва убили, а потом переодели. В костюмчик.

– Миш, а где его нашли? Как? Тебе не говорили?

– Григорьев?

– В кресле сидел, – отозвался парень, который что-то крутил в массивном коробе фотоаппарата. – Нас Карп Евстратович вызвал. Ну, уже потом. Но ничего не трогал. Я тоже вот снимал всё... снимки к утру будут. Мы вошли. Домина такая...

Парень поёжился.

– Здоровенная и пустая. Прямо совсем пустая. Гулкая. Ни мебели, разве что шкафы остались, ни картин. Хотя прежде висели. На обоях остались следы... ковры тоже убрали. Вообще всё убрали.

Он поглядел на покойника.

– Только из кабинета не успели. Он в кабинете и сидел. В кресле. Пряменько так. И руки на подлокотниках. А напротив – череп человеческий. На макушке – свечка. Черепа. И камни в глазах. И книги тоже были, тетрадки всяко-разные... ну с ними Карп Евстратович разбираться станет. И Синод, наверное, тоже, но тут уж как договорятся.

Парень примолк, глянул на покойника и добавил:

– Не всё спалить успел. Небось, сбежать собирался, а свои и поняли, вот и...

Топором по темечку.

– Кресло надо будет осмотреть, – сказал Николя, разглядывая покойника, которого меж тем успели раздеть. А вот ещё одна рана, колотая, если я правильно помню, в печень.

И пара дырок с левой стороны темнеет.

– А с чего решили, что он палил что-то? – я поглядел на парня, а он на меня, с насмешкой, явно не понимая, что я вообще тут делаю. Однако ответил:

– Так это... камин там горел. Видать, тот, кто его того, следы заметать стал. Но тут наши приехали, вот он всё и бросил. А вам ещё много? У меня пластины только две остались.

– Сними его с лица и со спины, – постановил Мишка.

На спине я насчитал целую дюжину дырок разного размера и ширины.

– Интересно, – считал не только я. Николай Степанович обошёл тело. – Признаться, я такое вижу впервые... и да, его сперва убили, затем изуродовали тело. Переделали. Усадили в кресло. Вогнали в голову топор и штырь этот. Я, признаться, сперва решил, что эти повреждения сделаны чтобы затруднить работу Шуваловым или вовсе сделать невозможным посмертный допрос, но теперь... теперь не понимаю.

– А можно мне ближе глянуть?

Появилась у меня одна мыслишка.

– Руками только не трогай, – Николай Степанович отодвинулся в сторону. – Кстати, сомневаюсь, что камин использовали исключительно, чтобы сжечь бумаги...

Ну да. Я тоже сомневаюсь.

Муторно это.

Дом пустой. Дом чужой. Скинь бумаги в кучу, плесни водочки поверху и подпаливай, пусть себе горит ясно. А коли и пожар случится, так это, как говорится, не та проблема, на которой стоит заострять внимание.

В памяти всплыл эпизод из какого-то сериала.

– В жарко натопленном помещении тело будет остывать медленней, – произнёс я с расстановкой. – И сложнее будет установить время смерти... ну, мне так думается.

А то может, тут оно иначе устанавливается, не по температуре покойного, и я тут умничаю всем на смех. Но Николай Степанович смеяться не стал. Хмыкнул и, обойдя тело с другой стороны, коснулся кожи.

– Пожалуй... пожалуй, эта теория имеет право на жизнь. Чем выше температура, тем быстрее идут процессы разложения, следовательно... да, учитывать данный факт необходимо. И с точки зрения логики... тогда тот, кто это придумал, должен быть знаком с основами медицины. Хотя, о чём это я. Знакомых не только с основами в этом деле неприлично много.

Папенька?

Я почти не сомневался, что он приложил руки к этому вот покойнику. Подарил его Море в знак большой любви и раскаяния? Но...

Раны...

С виду они одинаковы. Как понять, которая? Так, с топором ясно.

– Но даже если так, то зачем это вот всё?... – Мишка махнул рукой. – Ладно, могу понять, топор... или вот штырь. Или саблю там, пистолет... всё это понятно. По отдельности. А такое количество... и в целом? Зачем?

Я зажмурился и осторожно посмотрел на тело глазами Тьмы.

Нет.

Ничего...

А если... это смотрится почти извращением, но я понюхал. Да, запах лилий присутствует. И мыла.

– Его помыли, – сказал я, разгибаясь. – Его убили где-то совсем в другом месте, потом тщательно вымыли тело. Обрядили. Привезли в дом. И устроили представление.

Поэтому ни в книгах, ни в бумагах, ни во всём доме не найдётся ничего, что дало бы наводку на папеньку.

– И это вот тоже понятно, – сообщил Мишка презадумчиво. – Карп Евстратович давал мне читать некоторые... дела. Для понимания. Опыта у меня не хватает. Но преступник, если он умён, старается запутать следствие, создавая новые обстоятельства происшедшего. Однако сейчас какой смысл? Почему его было не оставить в своей одежде? Если всё равно отсутствие дыр на этой однозначно свидетельствует, что обрядили его после смерти?

Ну же.

Должен же быть признак.

Должен! Я просто упускаю его. Но он есть... и он нужен, потому что иначе не поверят.

– И эти раны...

– Не все смертельны, – заметил Николая.

Так.

Думай, Громов... с ранами понятно. Их нанесли, чтобы скрыть одну-единственную, которая и стала причиной смерти. И дело не в том, что смерть насильственная. Топор в голове изначально на это намекает.

Нет...

Так, если воспользоваться логикой. Одежда... одежда – это часть представления. Декорация, как кабинет, череп, книги и камин. Внешние элементы, призванные отвлечь внимание от другого.

Рана на ключице.

С виду неглубокая. Даже не рана, скорее уж царапина, будто кто-то ткнул, но уже приотмившись.

– Николай Степанович, а вы не сможете понять, какая из них была нанесена первой?

– Боюсь, вот так сходу нет. И скорее всего нет, – он задумался. – Определённо, нет. Если тело свежее, то можно установить различия в скорости распада отдельных тканей, но в случае, когда прошло столько времени... Да и камин.

Ясно.

– Тогда... какие из них неглубокие?

– Мне будет проще понять, что искать, если вы объясните.

– Если я объясню, – я коснулся кончиками пальцев дыры в боку. Ничего. Прикасаться к покойнику неприятно, но я потерплю. – Боюсь, вы мне не поверите. Просто... понимаете... все эти топоры и гвозди, и прочее... они не для того, чтобы разрушить мозг.

– Возможно, это обряд? – предположил Мишка. – Скажем, его сочли предателем. В доме пусто, а значит, он готовился к отъезду.

Как и сказал папенька.

– Тогда почему ему дали подготовиться? Это ж времени требует. Дом прибрать, мебель вынести. Он мог бы просто сложить бриллианты в саквояж и всё.

– Какие бриллианты? – удивился Михаил. – Про бриллианты мне никто не говорил.

– Я образно. Не камни, но деньги там, чековую книжку. Ценное и лёгкое. Когда люди собираются бежать, они своё имущество переводят во что-то ценное и лёгкое, что можно сунуть в карман и утащить. А уж коврами и мебелью никто заниматься не станет. Если бы он подозревал, что ученики отъезд не одобряют, ушёл бы тихо. А он...

Он не ждал подвоха. Выражение лица спокойное. Умиротворённое даже. Мои пальцы скользят от раны к ране.

Печень.

И чуть выше... ничего. Я терпеть не мог вот это вот, когда приходится по ощущениям. Вот факты – дело иное.

– Он был уверен, что контролирует ситуацию...

До последнего.

А если...

– Миш, Тим, переверните его, пожалуйста.

Раны на животе пусты. В том смысле, что обыкновенны. Руки и ноги, покрытые мелкими порезами, точно зазубринами, я и смотреть не стал. К счастью, братья не стали уточнять и переспрашивать. Покойника споро повернули мордой вниз.

Вот она.

Я как-то сразу и понял, что это именно она. Пониже лопатки, почти у самого позвоночника. Небольшая. Аккуратная такая. Почти как от пули, только...

– Вот, – я коснулся и ощутил отток. – Тим, видишь?

– Ощущаю, – братец протянул пальцы. – Остаточную силу. И тёмную. Очень. Странно.

– Позвольте? – Николя потеснил нас и ткнул пальцами в рану. Хмыкнул. – Сама по себе она опасна, конечно... лёгкое пробито, но при наличии амулета можно дожидаться помощи...

– Нет, – я покачал головой. – Амулет ему бы точно не помог. Его...

Говорить?

Вопросы возникнут.

Снова вопросы. Но и не сказать теперь нельзя. Думать надо было, Громов, что творишь.

– Его принесли в жертву, – произнёс я и выдохнул.

Глава 8

У многих инородцев, особенно живущих наособищу и в силу того свободных, как многие полагают, от тлетворного влияния цивилизации, весьма сильна вера в некие потусторонние силы, так называемых духов. Эти духи, по их утверждению, обитают в некоем третьем мире, промежуточном меж миром живых и мёртвых. И порой воплощаются в вещах или людях, влияя на их разум и поступки. Также другие люди, обладая тайным знанием, получают с ним и силу беседовать с духами, а порой и подчинять их собственной воле. Стоит ли говорить, сколь велика их власть над тёмными соплеменниками? Шаманы, не обладая даром, что было не единожды доказано, или обладая весьма посредственным, неразвитым, меж тем кривыми ужимками, плясками и прочими ритуалами, воздействуют на разум слабых и малых, пугая их неведомым...

Заметки путешественника

От признания этого небеса не разверзлись, молнии не громыгнули и только жирная мошка ударилась в тёмное стекло. Но для общей апокалиптичности картины мошки было как-то маловато.

Прям обидно даже.

Я тут сокровенным, можно сказать, делюсь, а ни воплей ужаса, ни отрицания.

– Да... пожалуй, это бы объяснило остальное, – произнёс Тимофей, склонив голову. – И в первую очередь прочие раны. Он спрятал одну среди многих.

Ну да, о чём и речь.

Как там по классике? Дерево в лесу, лист в кроне или дырку среди дыр.

– И наносил их разнообразно, именно, чтобы запутать, – Михаил основную мысль схватил на лету. – А топор и вовсе... эпатажно. Кстати, могло бы и получиться. Да, смерть выглядела бы странной, но мало ли странностей в этом деле.

Согласен. При прочих равных точно списали бы на коллективную казнь предателя высоких идеалов. Если так, то объяснение ничем не хуже прочих.

Но теперь у меня возник другой вопрос – кто это сделал.

И когда?

Евгений?

– А нашли его...

– На даче. За городом. Два часа езды.

То есть отлучиться из госпиталя Евгений мог бы. С его-то даром. Съездить туда, потом обратно... тем более не сегодня, а, скажем, вчера? Или позавчера? Или вообще... нет, покойник выглядит достаточно свежим.

С другой стороны, ткнуть в спину клинком ума не надо, но этого для жертвоприношения мало. Я обозначал, что это жертва, и меня слышали. Но я в целом с Морой связан.

А Евгений?

С третьей, вдруг у него артефакт какой имелся? Если книгу Шуваловых они добыли, то... что ещё могли получить? А вот что угодно. Кроме Громовых и Шуваловых были старые рода. А уж что было у этих вот бывших старых родов в запасниках, одна Мора знает.

Но вряд ли знанием поделится.

С четвертой... ладно, добыл он древний артефакт, пырнул дорогого наставника, отправив его душу известным мне путём. Но зачтётся ли эта душа подарком от папеньки? Снова вопрос... логичнее уж тогда предположить, что сам папенька всё и сделал.

Тогда получается, что не так уж он и болен.

И Мора... подарок приняла, а одаряющего не стала трогать? Не сумела? Не поняла? Или... и ещё. Профессор знал, что папенька предатель. Так какого он спиной-то повернулся? Не сходится.

– Если вы уверены, что его принесли в жертву, мы обязаны доложить Синоду, – Николай Степанович склонился к ране, потом аккуратно надавил на кожу вокруг. – Кстати, похоже, что эта была нанесена живому человеку... но ни одна экспертиза мои выводы не подтвердит. Это скорее личные ощущения.

Я не экспертиза. Мне и ощущений довольно.

– Алексею Михайловичу, – предложил я. – И Михаилу Ивановичу. А они пусть сами с Синодом дела утрясают. Да и вообще... сомневаюсь я.

– В чём?

– А во всём... вот, Миш, ты веришь? Погляди на этого человека. Он годами скрывался. Выстраивал своё тайное общество. Собирал людей. Плёл заговор... а потом взял и тихонечко умер именно тогда, когда на него вышли?

– Не факт, что тихонечко, – Михаил обошёл стол по кругу. – Но да, я понял... хотя, конечно, и не такое случается. Создал то, с чем сам не справился.

– Создал... или руководил? Или думал, что руководит? Просто... вот слишком уж своевременно. Его нам просто подбросили... как вот приманку.

Мертвец был тих и молчалив, не спешил ни подтвердить мою теорию, ни опровергнуть её.

– Думаю, в кабинете найдётся много интересного, что подтвердит его причастность к незаконным опытам. Возможно, списки имён, лаборатории...

Чем больше я думал, тем яснее понимал, что так оно и будет. И Мишка кивнул.

– Уже, – сказал он. – Есть имена. И адреса... Карп Евстратович ближайшие дни будет очень занят. Или не дни. Недели, если всё сделаем быстро.

– А потом снова будет на сердце жаловаться, – проворчал Николай Степанович.

Мишка лишь руками развёл.

– Я настой сделаю. Укрепляющий. И проследите, чтобы принимал. И чтобы питался регулярно. Никому не станет легче, если он надорвётся или вовсе...

– Прослежу, – Мишка посмотрел. – Я тоже буду занят. И долго. Он просил вернуться, как что-то станет ясно. Сами понимаете, дело такое... и доверяет он не всем. Судя по некоторым именам, придётся... сложно. Понадобятся веские доказательства, да и то... не представляю, какими они должны быть, чтобы нам поверили. Государь лично контролирует это дело. И возможно, что до суда и вовсе не дойдёт. Ещё и Синод с его... в общем, сложно.

Сложно.

И главное, настолько, что ни на что другое сил не останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.